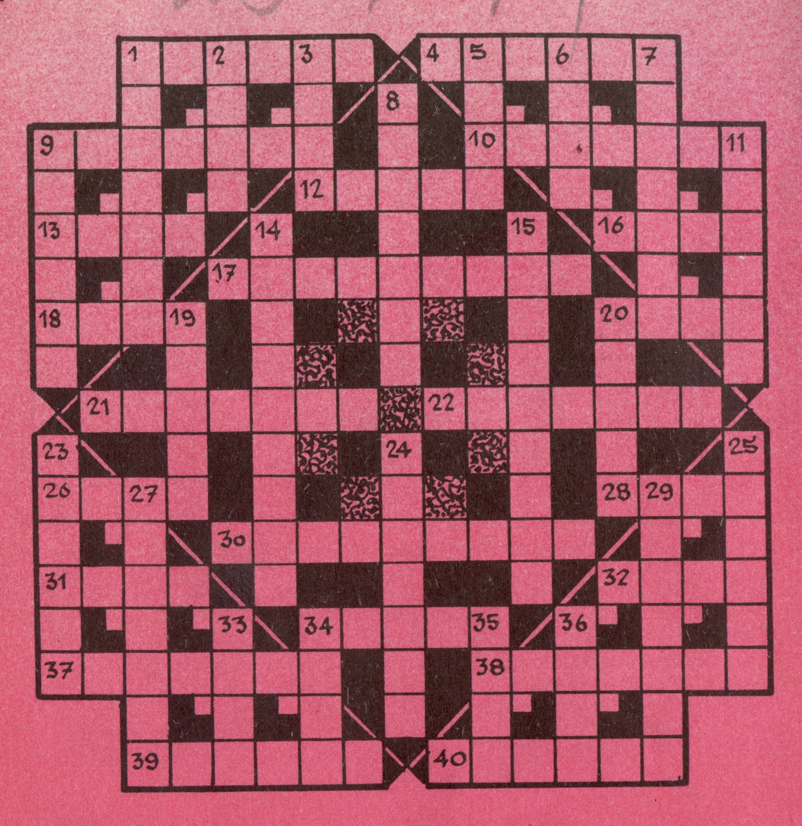
Цена 15 коп. Индекс 73755



КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Род рыб, сем. сельдевых. 4. Действующее лицо оперы М. Глинки «Руслан и Людмила». 9. Воин тяжелой кавалерии в европейских армиях XVIII—XX вв. 10. Жвачное парнокопытное животное. 12. Походная плоская бутылка. 13. Марка советского автомобиля. 16. Винтовой конвейер. 17. Средство передвижения. 18. Роман Э. Золя. 20. Сорт винограда. 21. Все существующее во вселенной, органический и неорганический мир. 22. Откидной головной убор, пришиваемый к верхнему краю одежды. 26. Персонаж пьесы М. Горького «На дне». 28. Персонаж греческой мифологии. 30. Исторический район Москвы. 31. Группа животных одного вида. 32. Часть женского платья. 34. Подросток, юноша. 37. Вид городского транспорта. 38. Народ, проживающий в Магаданской области и Якутии. 39. Женское имя. 40. Разменная монета некоторых стран.

По вертикали: 1. Английский драматург, автор комедии «Школа злословия». 2. Одежда православного духовенства. 3. Горючее полезное ископаемое. 5. Плодовое дерево. 6. Сорт картофеля. 7. Тонкая доска или фанера, вставляемая в раму. 8. Альбом для марок. 9. Ягода. 11. Птица сем. тетеревиных. 14. Новое слово или выражение, созданное для обозначения нового предмета или понятия. 15. Преодоление войсками водной преграды. 19. Героиня сказки Л. Кэрролла. 20. Защитный покров рыб. 23. Танец. 24. Элементарная частица. 25. Запись наиболее значительных событий по годам. 27. Промежуток времени. 29. Надпись, расположенная в нижней части кадра. 33. Взимаемые за что-либо деньги. 34. Советский актер, выступавший на сцене Театра драмы им. А. Упита. 35. Французский физик, один из создателей учения о радиоактивности. 36. Кукуруза.

АДРЕС ИЗДАТЕЛЬСТВА И РЕДАКЦИИ:
101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.
Телефон редакции: 928-97-42.

ISSN 0234—1824

ГОРИЗОНТ

6 • 90 Общественно-политический ежемесячник



В июле начинает работу XXVIII съезд КПСС

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

...Верю, что партия обновится, освободится от тех, кто замарал ее честь... Пусть она будет небольшая, но все равно в ее рядах будут люди, которых мы называем цветом нации...

И. Тикунова, член КПСС с 1970 года

Главным моментом на съезде, на мой взгляд, должен стать не новый устав, не его обсуждение, не что-либо еще, а покаяние — громкое, внятное... Партия (не левые или правые, не сторонники ЦК или Демплатформы, а партия в целом в лице своих представителей) должна во всеуслышанье признать, что всё, что случилось с нашей страной,— закономерное следствие ее «руководящей и направляющей» роли, той политики, которую она монопольно и бесконтрольно творила в стране семь с лишним десятилетий, всех ее преступлений, ошибок, просчетов, которых на поверку оказалось больше, много больше, чем положительных результатов.

Светлана В. Карпова, беспартийная, инженер, Ленинград

...Мне стыдно, что сейчас люди позабыли все святое — позволяют себе поносить и партию, и Ленина, и армию... все, чем мы гордились, что защищали... Иванам не помнящим родства уготовано незавидное будущее. Все светлое в нашей истории теперь называют иллюзиями. Но ведь и вера в то, что можно перечеркнуть все это,— тоже иллюзия.

Р. Д. Шубейко, 34 года в КПСС

Я член партии с 1974 года. Согласен с ее Программой, выходить из нее не собираюсь. Но это не значит, что я претендую на какую-то особую роль. Меня и прежде коробило от громогласных заявлений, типа «Партия — авангард народа», «Ум, честь и совесть», «Коммунисты идут в первых рядах строителей коммунизма» и т. п. Не надо думать, что истина всегда принадлежит тебе,— партии было отпущено предостаточно времени, чтобы убедиться в этом. Надо просто жить согласно своим убеждениям. И другие пусть живут согласно своим убеждениям. Всегда легче договориться людям с противоположными взглядами. И невозможно, когда одна часть общества объявляет себя авангардом, а другой отводятся вторые и третьи роли. Здесь причины многого страшного и кровавого, пережитого страной.

А. Брыскин, Москва

...Обратите внимание, какая нелепая сложилась картина. Те, кого вели, оказались в пропасти. Тот, кто вел,— благоденствует... Партийная касса — единственная сфера, которую не затронули никакие, ни экономические, ни стихийные бедствия, ни война, ни разруха, никакие социальные эксперименты... Пока общество благополучно нищало, партия копила свои богатства, воплощая их в здания и газеты, санатории и многочисленные привилегии номенклатуре.

(Окончание на третьей стороне обложки)

6 (475) •90 ГОРИЗОНТ

Общественно-политический ежемесячник

Сдано в набор 27.04.90. Подписано к печати 05.06.90. Л22098. Формат 84×108 1/32. Бумага газетная. Гарнитуры «Литературная» и «Журнально-рубленая». Печать высокая. Усл. печ. л. 3,57. Усл. кр.-отт. 4,62. Уч.-изд. л. 6,16. Тираж 100 000 экз. Заказ 796. Цена 15 коп.
Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Московский рабочий». 101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.
Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

Г 0302020800—57 / М172(03)—90 Без объявл.

СОДЕРЖАНИЕ

На вкладке: работы с выставки российского плаката «От Челюскинской до Байкала».

Андрей Нуйкин

«А У НАС ЗАТО...»

Еще раз про безработицу

Радоваться жизни мы так и не научились. Мы по-прежнему не столько живем, сколько «ведем борьбу». На этот раз — за перестройку. Мы тянем ее, сцепив зубы, как перегруженную несмазанную телегу по грязи и ухабам, оставленным нам в наследство от сталинизма. В общем-то какое-то движение вперед есть, но слишком уж медленное и мучительное.

Экономическая реформа буксует. Политическая развивается слишком медленно. Народ прозревает чуть быстрее, но явно не настолько, чтобы успеть понять ситуацию адекватно, организоваться и предотвратить взрыв неуправляемых событий. Конкретные меры, способные сдвинуть перестройку с мертвой точки, в общем-то, давно уже известны, но именно они и саботируются в первую очередь правящим классом номенклатуры, на знаменах которого начертано: «После нас хоть потоп!» Класс этот очень жизнестойкий, цепкий, житейски хитрый, но философски темный (он вообще убежден, что философия нужна не для просветления, а именно для затемнения мозгов). В силу этого наша коррумпированная бюрократия никак не хочет поверить, что на этот раз «потоп» обрушится на страну не **после** нее, а **при** ней, **на** нее!

В то же время существуют варианты развития, при которых все слои населения могли бы оказаться в конечном счете в выигрыше.

Пути эти нелегкие (легких в наших условиях ждать не приходится), молниеносного эффекта они не дадут (нам надо в любом случае настроиться на терпение и жертвы), но главное, что в этом случае терпение и жертвы будут служить не реанимации антинародной, грабительской системы власти, а реальному выходу из тупика. Дороги эти трудны, но они гарантируют будущее процветание и демократию, это проверено всей мировой практикой. Что же мешает нам сделать наконец свой выбор, который все равно придется делать, но который с каждым упущенным месяцем будет нам обходиться все дороже?

Сопротивление класса номенклатуры и ее челяди? Конечно. Но не менее значима и вторая помеха — идеологическая зашоренность, оболваненность народного сознания. Нет, я не против идеологии, идеалов, святынь и готовности за них хоть на крест, хоть в костер. Все дело в качестве святынь. Право слово, когда слушаешь речи на митингах, читаешь «письма трудящихся» в «Правду» и «Советскую Россию», создается впечатление, что все еще слишком большие массы людей готовы мириться с голодом, кормить концентратами из нитратов и дефолиантов своих детей, вымирать от СПИДа, жить всемеро́м на десяти квадратных метрах только для того, чтобы Нина Андреева похлопала их по плечу и одобрила цитатой, взятой не сразу даже и разберешь откуда — не то из «Краткого курса», не то из «Майн кампф».

Нельзя сказать, что народ наш совсем глух к аргументам жизни и доводам здравого смысла, но все-таки, когда пытливым умам западных философов удастся-таки однажды расшифровать тайну загадочной русской души, очень похоже, что она найдет наиболее адекватное выражение в лозунге «Лучше быть бедным и больным, чем богатым и здоровым!» Мучительно трудно и неохотно расстается массовое сознание с привычными мифами и младенческими иллюзиями.

Немногим больше года тому назад я опубликовал в «Горизонте» исполненную иронии статью «Зато у нас нет безработицы!..». Потому и иронии, что давно уже невооруженным глазом каждому, кто не хотел сам себя одурачивать, видно было: безработица у нас есть! Огромная! И «скрытая», и открытая, и какая хотите. Только пособий по безработице нет, учета и продуманной отфинансированной программы по разрешению важнейшей социальной проблемы — тоже нет. И все это лишь для того, чтобы не лишить нашу пропаганду последнего довода в пользу казарменного, нищего социализма: зато у нас нет безработицы!

Бог мой, с каким гневным пафосом обрушились на ту невинную публикацию наши заштатные блюстители идеологической чистоты!

«Нуйкин упрекает рабочего Торопцова в том, что он якобы гордится тем, что мы «понятия не имеем» о безработице. Да, безусловно, для честного рабочего это гордость... Все подобные материалы нами воспринимаются как демагогия и, правильно рабочий пишет, «очернительство»,— по поручению «группы рабочих» завода «Калибр» заявлял в «Вечерней Москве» бригадир Хоботовский.

«Прочитал я публикацию А. Нуйкина и задумался,— присоединяется к нему А. Родионов.— Почему ему кажется, что безработица — это благо? (О том, что безработица — благо, в статье, естественно, ни слова не говорилось.— *А. Н.*). А пособие по безработице — манна с неба. Что это? Готовят рабочий класс к возможной безработице у нас?.. Огромная практическая работа Политбюро ЦК КПСС, Совета Министров СССР дают небывалый пример самоотверженности в достижении поставленной цели. Вот сюда и должны направить свои усилия все средства информации, а не отвлекать внимание, не уводить в сторону пространными рассуждениями, искажающими героическое прошлое советского народа».

Эти, славящие «завоевания социализма» декларации были опубликованы газетой в марте 1989 года, а всего через три месяца разразилась трагедия в Фергане. Р. Н. Нишанов объяснил Верховному Совету, что произошла она из-за того, что турок-месхетинец запросил на базаре слишком дорого за клубнику. Бригадир Хоботовский, надо полагать, этим объяснением удовлетворился, но те, что попытались пойти дальше опереточной социологии, первой причиной (Московские новости. 1989. 18 июня) конфликта назвали именно безработицу, захлестнувшую регион. Счет «лишних» людей в республиках Средней Азии, в Азербайджане, Молдавии давно уже идет на миллионы. Пособие по безработице даже в размере одной десятой того, что получают на бесчеловечном Западе, было бы для этих людей если и не «манной с неба», то уж бесспорно — залогом выживания. И займись мы «очернительством» и «демагогией» по этому вопросу чуть пораньше, может быть, удалось бы снять часть социального напряжения во взрывоопасных регионах.

Однако нашим «передовикам производства» и «ветеранам труда», похоже, гораздо важнее сохранить неприкосновенность лживых, но успокоительных мифов о их героическом прошлом, чем предотвратить новые трагедии для их детей в будущем. Не ведают что творят? Не хотят «ведать»! А стало быть, и на христианское прощение со стороны детей и внуков рассчитывать не вправе.

Так вот даже уже и кровью приходится нам расплачиваться за

свои глупости и идеологическое чванство. Зато теперь-то уж никто у нас не будет похваляться отсутствием безработицы! Мы очистились от догматизма и зашоренности... «Очистились?» Тут я должен извиниться перед читателями «Горизонта» за допущенное мной ранее ложное утверждение, будто лозунг «Зато у нас нет безработицы!» олицетворял последнее козырное «зато» нашей идеологии. Какое там последнее! На нашу жизнь, похоже, этих припрятанных в рукавах певцов казарменного социализма «козырей» хватит. Попробую в данных заметках внести ясность относительно еще нескольких «зато», обретших в последнее время особую актуальность.

«Зато у нас нет наемного труда!..»

На одном из брифингов ответственные работники двух, увы, достаточно безответственных союзных министерств (внутренних дел и финансов), совершая очередную акцию по искоренению не желающих жить по законам мафии коопераций, со священным ужасом сообщили журналистам о неожиданном для них открытии: с выходом на арену современных кооператоров «появилось такое понятие, как наемный труд» (Советская культура. 1989. 8 августа).

Ужас был связан с убеждением, что везде, где выходит на арену наемный труд, появляется (предположить даже страшно!) эксплуатация! Что в таком случае о нас подумают в Северной Корее или на Кубе?

Не хотелось бы огорчать представителей уважаемых ведомств, но вынужден сообщить, что тревога их немного запоздала. Понятие «наемный труд» появилось несколько ранее принятия у нас Закона о кооперации — думается, еще в период разложения первобытнообщинного строя. Но оставим науку этимологию в покое. Дело в том, что наемный труд у нас ни на миг не исчезал за годы Советской власти, более того, сфера его применения неимоверно разрослась. Стоит вспомнить, что исчезли помещики, капиталисты, кустари, мелкие предприниматели: они все перешли (кого не расстреляли) в категорию наемных работников. Однако самая главная беда в том, что и крестьяне наши превратились в наемную рабочую силу, а их-то к моменту революции было в России около 100 миллионов. Но беда в том, что статус наемного работника резко снизился. Чтобы наниматели не обретали монопольного права обирать нанимаемых как им заблагорассудится (а наше государство пока именно в такой льготной для себя ситуации), нужен свободный рынок рабочей силы, нужно, чтобы у наемника был хоть какой-то выбор! Нужна конкуренция работодателей. Почему наемники командно-административной системы так яростно выступают против права фермеров, арендаторов, кооператоров использовать наемную рабочую силу? Потому что государству (с его бесчисленной армией бездельников и дармоедов в сфере управления и распределения) честной конкуренции в борьбе за рабочую силу не выдержать. В печати называлась однажды цифра: накладные расходы в кооперации в 10 раз ниже, чем в государственном секторе! «Кооперация переманивает самых ценных работников и тем подрывает социализм!» — пронесся истошный чиновничий вопль над Россией. Казалось бы, если эти работники для них такие «ценные», то и ценили бы их по-настоящему! Нет, лучше закрыть (или задушить налогами, что одно и то же) саму кооперацию. Да еще и идеологическую собаку на нее по этому поводу навесить: возрождают наемный труд!.. Нашему трудящемуся-де гораздо приятнее, чтобы его обирали бюрократы, а не кооператоры, ибо в повышении благосостояния бюрократов он видит свой патриотический долг.

В прекрасном романе Ф. Искандера «Сандро из Чегема» содержатся поучительные размышления мула старого Хабуга на эту тему. Хабуг до введения колхозов был лучшим скотоводом Чегема, в лучшие времена у него было «столько коз и овец, что, когда их перегоняли на летние пастбища, бывало, головные уже за три километра на Чегемском хребте, а задние еще топчутся в загоне». Конечно, он использовал и наемный труд, что после коллективизации стало считаться страшным криминалом. Мул этого понять не может: «Да, да, держал пастухов! Ну и что?! За три года работы пастух получал тридцать коз, после чего мог уйти и заводить собственное хозяйство. А у вас колхозник за три года и трех коз не заработает. Вот как!» А общественные итоги? «Теперь всем колхозом они не имеют столько скота, сколько он один тогда имел. Пустомели, все по ветру пустили!»

Мул — это наполовину осел, но, как видите, все же не совсем осел, понимает, где наемнику выгоднее работать: у частника или в колхозе. И где от его труда обществу пользы больше! Одного он не понял своим все же полуослиным умом, что колхозы создавались не для того, чтобы крестьянин-батрак больше зарабатывал. И конечно уж не для того, чтобы скота или хлеба стало больше. Так что зря он итогам борьбы с наемным трудом удивляется. И нам, наверное, пора уже перестать быть ослами.

Правда, ослы мы поразительно добросердечные, вопреки утверждениям западных злопыхателей. Судите сами, только для того, чтобы не огорчить нескольких старичков в высших эшелонах власти, у которых слова «колхоз», «совхоз» вызывают сладкие сентиментальные грезы о днях их боевитой юности, мы готовы и дальше безропотно терпеть пустые полки в продуктовых магазинах, унизительные талоны, изнурительные очереди...

Страна буквально накануне голода не менее страшного, может быть, чем голод начала тридцатых, а нас все заклинают не поддаваться вражеской пропаганде и держать в чистоте знамя своей нищеты и бесхозяйственности. Только человек, презирающий или ненавидящий свой народ, способен, побывав в наших продуктовых магазинах, витийствовать про «огромный, не используемый потенциал наших колхозов» и предлагать впихивать без толку все новые и новые миллиарды в бездонную утробу этой «тощей фараоновой коровы».

Впрочем, легко сообразить, что именно гордо заявят нам в ответ люди, бдительно стоящие на страже пустых прилавков.

Они заявят:

«Зато у нас нет эксплуатации!»

А если кто засомневается, процитируют пункт шестой первой статьи принятого недавно Верховным Советом закона «О собственности в СССР»: «Использование любой формы собственности должно исключать отчуждение работника от средств производства и эксплуатацию человека человеком».

Поэтому наши народные избранники и не легализовали частную собственность, ибо где она — там это самое ужасное «отчуждение», там эта самая (не к ночи будь помянута!) эксплуатация. А где частной собственности нет, там эксплуатации и быть не может. В принципе. Ибо от частной собственности все зло на этом свете, как вам объяснит любой наш четвероклассник.

Четвероклассннку, правда, может возразить фермер из штата Огайо Ралф Далл, который считает, что можно быть богатым, распоряжаться полновластно в своем хозяйстве и совершенно никого не эксплуатировать: он и три сына — равноправные совладельцы фермы. Вместе выращивают зерно на 800 гектарах, вместе откармливают 3500 свиней. В прошлом году на каждого пришлось по 28 тысяч долларов дохода, не считая премиальных в конце сезона. Вместе (и с женами к тому же) определяют, как разумнее использовать свои доходы...

Но на это-то наш четвероклассник нашел бы что сказать: в том и дело, что нет на той ферме наемных рабочих, а если были бы, была бы эксплуатация! Однако Ралф Далл не случайно акцентирует внимание на отсутствии эксплуатации на его ферме. Погостив немного у нас в стране, он уехал в большой растерянности. Никак не мог американец взять в толк, почему на одном только отделении колхоза у нас на 44 рабочих приходится 6 надзирающих? На такой же точно площади зерновых в Огайо занято 6 работников и ни одного проверяющего! И если без надзирателей можно обойтись, значит, они дармоеды? Получается, при частной собственности можно обойтись без эксплуатации, а при общенародной иметь кучу захребетников? Вот только действительно ли их шесть на каждых сорок четыре работника? Ведь шесть-то их только на одном отделении, а главные-то полки надзирателей дислоцируются выше, где работников нет вообще! Наш «архангельский мужик» Николай Сивков называет их «оравой конторских». Но к нему-то самому, вышедшему юридически из колхозно-совхозной системы, это не относится? Да, прямо «конторских» Сивков своим трудом не кормит, ну, а не «прямо»? «Сегодня со свободного крестьянина берут подоходный налог, налог за землю, налог с прибыли...»

Если именно эта «орава» сама и определяет размеры налогов, арендной платы, сама держит в руках все каналы снабжения, то вырваться из-под ее эксплуатации не так-то просто. Как говорил на одном из «круглых столов» арендатор А. Фролов: «Некоторые изворотливые руководители колхозов и совхозов берут фермеров за горло. Плати за гектар восемь тысяч рублей, тогда получишь. Где крестьянину взять такие деньги?.. Многие руководители... душат фермерство низкими ценами на продукцию...» (Правда, 1990. 16 февраля).

Да, но не в свой же карман кладут эти отобранные тысячи рублей «некоторые изворотливые руководители»? В общегосударственный! И налоги, пусть грабительские, но туда же идут. Государство богатеет и нам потом все возвращает в форме бесплатных благ, удобств, повысившегося качества жизни.

Не в свой карман? Ну не стоит слишком прибедняться — кое-что и в «свой» перепадает. Без взятки наши горемычные арендаторы, фермеры, кооператоры и индивидуалы шагу ступить не могут, гвоздя не получат, чтобы прибить лозунг: «Слава КПСС!» Но не в этом главная корысть, не за это назвал Ю. Черниченко «некоторых изворотливых руководителей» крепостниками.

Опыт американского фермера показывает, что без семерых с ложкой на одного с сошкой вполне можно обходиться. Но поборы, которыми душат рискнувших сменять барщину на оброк, с одной стороны, компенсируют убытки, проистекающие от бездарности их руководства, с другой — не дают фермерам и арендаторам продемонстрировать гигантские преимущества свободного труда. Так обогащается ли государство от тех поборов или нищает? И во имя чьих корыстных интересов оно нищает?

При наличии частной собственности эксплуататор и эксплуатируемый вычленяются очень четко. Национализация всех природных богатств и средств производства маскирует эти отношения, запутывает связи и зависимости, создает мифы и иллюзии в невиданных ранее масштабах. Государство действительно эксплуатировать не может, эксплуатировать может только человек человека. Поэтому когда человека обирает государство (низкие расценки, нищенские оклады, гигантские прямые и особенно — косвенные, замаскированные налоги, грабительские цены и т. д.), то у темного, наивного человека может возникнуть иллюзия, что это не правящий класс с его бесчисленной челядью его обирают, а просто в нашей социалистической стране гораздо больше забирается в «общий котел», откуда мы потом всем миром черпаем бесплатные блага гораздо более загребастыми ложками, чем трудящиеся капстран.

Доктор экономических наук Н. Буздалов убежден, что при социализме даже в необобществленном секторе «отсутствуют отношения эксплуатации, ибо экономические регуляторы государства и здесь обеспечивают распределение по труду, а прибавочный продукт идет обществу или на расширенное воспроизводство в этом секторе» (АиФ. 1989. № 15).

Иными словами, государство у нас — надежный гарант отсутствия эксплуатации, и жрецы его, если до сих пор еще и не сделали всех богатыми и счастливыми, то исключительно из-за помех, чинимых им в этом капиталистическим окружением. Мифы эти настолько глубоко вошли в нашу подкорку (даже, наверное, в спинной мозг), что мы глазам своим не хотим верить. Любым фактам наглого грабительства, вопиющей нищеты сами добровольно готовы подыскать оправдание, лишь бы не признавать очевидного: мы живем плохо потому, что нас беспощадно эксплуатируют!

Давайте все же взглянем на нашу систему социальных отношений открытыми глазами и чуть-чуть порассуждаем. Хотя бы на уровне того же четвероклассника — более высокого нам не потребуется. Вот трагическая исповедь двадцативосьмилетней минчанки В. В., написанная ею после аборта. «Проходит возраст, в котором лучше всего рожать первенца. Как хотела я иметь ребенка! Горько признать, что отказаться от этого заставила бедность... Мне не на что купить все необходимое для малыша, а потом сидеть с ним дома до трех лет... Я не была материально подготовлена к тому, чтобы стать матерью. Моя вина! Грошовые пособия, которые наше государство с помпой объявляет достижением, всерьез принимать как-то трудновато... Иногда я проклинаю себя, что не способна воровать, не способна заниматься спекуляцией. Но я уже смогла убить своего нерожденного ребенка. Я преступница, не меньшая, чем воровка или спекулянтка...»

Может быть, это какая-нибудь безработная, обремененная большим числом иждивенцев? Нет, В. В. работает нянечкой в детсаде. Живет вдвоем с мамой, та (бывшая учительница) получает пенсию... Увы, пенсия это не американская (в среднем около 500 долларов в месяц!), а зарплата нянечек у нас тоже известна.

Все дело в разнице производительности труда у нас и у них? Так принято считать. Уфимец Р. Кабиров, пожалуй, не согласится с таким объяснением. «В Кувейте добыто около 1 миллиарда тонн нефти. На вырученные средства там построен райский сад в пустыне, заложены условия для жизни будущих поколений. У нас же в Башкирии добыто около 1 миллиарда 150 миллионов тонн нефти, а что дала нам эта нефть? Загажены реки, в которых водилась форель, отравлены леса южного Урала...»

Рубли с долларами трудно сравнивать, но тонна нефти везде тонна нефти. Их она почему-то делает богатыми, а нас почему-то только более грязными! Однако ведь не испарилась же полученная за башкирскую нефть твердая валюта?! Где-то же она осела? На защиту природы она не истрачена. На оплате труда тоже не отразилась. «В США... почасовая оплата труда приблизительно раз в десять выше, чем у нас». Впрочем, справедливости ради надо оговориться — разница в оплате труда сама по себе не характеризует меру эксплуатации, она зависит в первую очередь от производительности труда, но... Есть цифры, которые достаточно адекватно выражают сравнительную меру «обдирания» трудящегося, меру его эксплуатации. Речь о доле фонда заработной платы (или прибылей) во вновь созданном чистом продукте. В 1928/29 хозяйственном году эта доля у нас достигала почти 70%. В 1985-м она, увы, равнялась всего 36,6%. В развитых же странах Запада на протяжении многих десятилетий доля эта колеблется в пределах 60—80%. Иными словами, наши трудящиеся эксплуатируются вдвое беспощаднее, чем при капитализме (зарабатывая к тому же в десять раз меньше).

Но, может быть, действительно, получая за свою работу меньше, чем трудящиеся на Западе, мы наверстываем за счет бесплатных общественных благ?

Было у нас и такое «зато». Было, да сплыло. «В США... общественные фонды потребления превышают наши (в абсолютной величине) в четыре раза» (Дружба народов. 1988. № 10. С. 202).

«Зато у нас жилье дешевое!» — не склонит головы бригадир Хоботовский.— Велосипед дешевле «Мерседеса», спору нет. Для оплаты льготного государственного жилья средний работник в СССР должен отработать 18,2 часа, а в США — 45 часов (это при их несопоставимо более высоких зарплатах!), только все же жилье жилью рознь. И по размерам, и по качеству. Так вот, если даже забыть о качестве, то окажется, что «для оплаты 1 кв. метра жилья наш работник должен отрабатывать почти в 1,5 раза больше, чем американец» (Московские новости. 1988. 21 августа). Вот тебе и «дешевизна»!

Вообще в рассуждениях об эксплуатации у нас гораздо больше дешевых идеологических спекуляций, чем элементарного здравого смысла. Мы, например, твердо верим, что наличие богатых людей противоречит идее социализма. Богатство, уверяем мы, возникает за счет присвоения прибавочной стоимости, созданной чьим-то трудом. И никак иначе. Бывает и так, притом, как мы видели, в нашей стране еще в большей мере, чем в капиталистических. Но абсолютной эта истина является только применительно к механическому физическому труду, только если не брать совершенно в расчет талант, вдохновение, удачу и т. д. Жители Саудовской Аравии стали богатыми не из-за того, что они эксплуатировали другие народы,— им повезло с нефтью.

Возьмем другой случай. Изобретатель (или ученый) совершил открытие, дающее обществу миллиарды рублей экономии. Если ему заплатить за это несколько миллионов, то эксплуататором кого он при этом выступит? Каждый, живущий рядом, за счет его гения станет богаче, станет жить лучше, не вложив ни капли дополнительного труда. Мы же талдычим о несправедливости таких вознаграждений и устанавливаем предел в несколько тысяч рублей, делая невыгодными крупные изобретения и открытия. А это разорительно для всех вместе и каждого в отдельности. Это не что иное, как именно эксплуатация умных дураками, эксплуатация человеческого таланта, интеллекта, творчества темнотой и бездарностью.

А разве талант организатора стоит меньше таланта изобретателя? С. Н. Федоров благодаря своим исключительным организаторским качествам дал возможность тысячам людей заработать в несколько раз больше, чем ранее, получая при этом радость от труда. Получая больше их, он их «эксплуатирует»? Если не их, то кого? Если бы не он, то за то же время, за те же деньги, те же специалисты вылечили бы во много раз меньше людей. И гораздо хуже! Не Федоров эксплуатирует нас, а мы все его, явно не доплачивая за его исключительный талант организатора и врача. А в это время чиновники, которых за плоды их деятельности, за ущерб, наносимый обществу, в тюрьму надо было бы сажать, завистливо подсчитывают и с пафосом комментируют заработки обобранного ими выдающегося профессионала, взывают к финорганам и прокуратуре, требуя пресечь «предпринимательскую деятельность» Федорова, намекая на попытку возрождения эксплуатации в стране, где она категорически запрещена законом. «Запрещена»? Да именно государственные наши предприятия и колхозы (а не фермеров, арендаторов, кооператоров, против которых этот закон, ясно и дураку, нацелен) надо было бы все закрыть в первую очередь, если мы решили бы принять всерьез этот загадочный политэкономически безграмотный, идеологически лицемерный закон!

«Зато у нас нет частной собственности!..»

24—26 января в Москве, в павильоне профсоюзов ВДНХ по инициативе ВЦСПС и идеологического отдела МГК ВЛКСМ состоялась конференция «патриотических и социалистических движений». В конференции участвовали представители Интердвижений Латвии и Молдавии, движение «Единство» (Литва), организация «Единство» (Нины Андреевой), московское историко-культурное объединение «Отечество», Национально-патриотический фронт «Память» (группировка Н. Филимонова), Антисионистский фронт и др. очень патриотические и очень реально-социалистические организации. Много взволнованных речей прозвучало на этом форуме, но для нас наибольший интерес представляет принятая единодушно на конференции резолюция об объединении сил в борьбе против сионизма и капитализма. Ну, в чем видят наши патриоты происки сионизма, известно хорошо, а вот насчет сегодняшних происков капитализма стоит поговорить более обстоятельно, ибо прозреваются за этой формулой козни не столько врага «унешнего», сколько врага «унутреннего». И врагу этому был дан своевременный отпор. В Верховный Совет СССР, Политбюро, ВЦСПС, газеты «Правда», «Советская Россия», «Труд», «Красная звезда» от имени «руководителей патриотических объединений» была направлена телеграмма против принятия Закона о частной собственности, в которой говорится, что «народ никому не вручал мандат на пересмотр завоеваний Октября» (Атмода, 1990. 26 февраля).

Из этого акта следует, что всем настоящим патриотам и несгибаемым социалистам полагается исходить: а) из признания отсутствия частной собственности в СССР; б) из того, что именно в этом состоит главное завоевание Октября; в) из того, что признание частной собственности означало бы реставрацию капитализма в стране.

Что и говорить, попытки идеологических диверсий со стороны западных доброхотов наблюдаются в наше смутное время на каждом шагу. Например, американский исследователь советской экономики Игорь Бирман, выступая в научных институтах, перед студентами и в

советской печати с такими вот подрывными идеями: «Мое глубокое убеждение заключается в том, что экономика, игнорирующая частную собственность на орудия и средства производства, не работает. Вот режьте меня, четвертуйте, но так я думаю, на том стою» (Новое время, 1990. № 8. С. 31).

«Частная собственность является важнейшим условием становления личностного достоинства человека, т. е. позволяет преодолеть тягостную зависимость человека от благосклонности распределительных органов... Введение частной собственности даст возможность подключиться к имущественным отношениям честным, высоконравственным людям, которым нечего делать в сфере предпринимательства при социализме...» — это пишет наш отечественный автор — Эдуард Лиепиньш, да еще под претенциозным заглавием «Философские тезисы о частной собственности». Впрочем... знаем мы, какие «наши» все эти прибалты и какая «философия» им по душе — спят и во сне видят, как бы им нашу свободу на западную кабалу променять. Не будь у нас мощной армии-освободительницы, давно бы уже общенародное достояние республики между народом поделили. В интересах мирового капитала. Не убедительной для любого патриота получается такая философия. Что ж...

Народный депутат Г. Попов опубликовал целую газетную полосу в «Литературной газете», на которой приступил к прямым прикидкам, как именно можно денационализировать промышленность, раздать (или распродать) землю и искать дальнейшие пути ко всеобщему счастью в недрах общемировой экономической, основанной на рыночных отношениях системы. Интересное начинание, как сказали бы герои Фазиля Искандера, только ведь Г. Попов — представитель межрегиональной группы. Известно, для чего эти «представители» воду мутят — власть норовят в стране захватить! Какое же может быть доверие к их рассуждениям на любую тему? Так что...

«Самое трудное сегодня — преодолеть идеологические предрассудки, которые мешают нам достойно жить. Иначе мы просто не сдвинемся с места.

В первую очередь нужно решить вопрос о собственности... Наемный работник не заинтересован в расширении дела, он не может со всей ответственностью назначать цену своему товару, покупать, продавать, основывать предприятия, рисковать капиталом, если это не будет именно его товар, его дело, его деньги. Рано или поздно, нам придется легализовать частную собственность. Хотя бы как одну из равноправных форм. Иначе мы прогорим во всех своих начинаниях.

На самом деле у нас просто нет третьего пути: либо рынок и процветание — либо казарма и нищета. И если уж нам суждено погибнуть, так только от собственной глупости».

Так вот характеризует ситуацию еще один апологет частной собственности, экономист Борис Пинскер (Московский комсомолец. 1989. 27 июня). Но эту-то позицию легко объяснить всего одним словом. Еврей! Вспомните, как еврей Маркс характеризовал всемирно-историческую сущность пятого пункта, и вам все станет ясно, однако...

«Без личной заинтересованности социалистическая собственность приведет к дальнейшему развалу экономики и бесхозяйственности. Сейчас в СССР частная собственность может быть только в усеченном виде — личной собственности граждан. Со временем арендные коллективы и отдельные арендаторы смогут выкупать землю и средства производства в частную собственность и становиться полными хозяевами. Только возрождение истинного хозяина в лице акционерного коллектива или частного собственника спасут нашу страну от развала и нищеты!»

В этом высказывании сразу две подозрительные детали. Во-первых, они подписаны русскими фамилиями (Б. Галактионов, Г. Аверина), а во-вторых, присланы из пролетарской, российской, не подверженной масонству «глубинки» — из города Тюмени! Фамилии еще надо, конечно, проверять и проверять, но в любом случае капиталистическая зараза что-то слишком уж глубоко проникла в заповедные районы социалистической державы. Того и гляди, если дело и дальше так же пойдет, вопреки заклинаниям патриотов, народ вручит кому-нибудь «мандат на пересмотр завоеваний Октября», иными словами — мы (страшно даже подумать!) признаем возможность существования у нас частной собственности.

В демократических кругах страны принято пугать патриотов. В нарушение этой традиции я хочу их успокоить. Введение частной собственности нам не грозит. Зачем ее вводить, если она никогда не исчезала. Смею даже утверждать, что если уж иметь в виду что-то, достойное именоваться собственностью, то у нас никакой другой собственности, кроме частной, нет и не было. Попробую обосновать это несколько неожиданное утверждение.

Основой экономической системы социализма, как известно, является «общенародная собственность» на природные богатства, орудия и средства производства. Однако не менее известно, что народ был хозяином всего этого не в большей мере, чем Каштанка была владелицей цирка. Не случайно в Конституции у нас в первую очередь речь шла о государственной собственности, а слово «общенародная» стояло лишь в скобках, в качестве разъяснения, что такое собственность государственная. Разъяснение это мало кого убеждало, особенно тех, кто помнил слова Маркса о государстве как частной собственности бюрократии (Соч. Т. 1. С. 271). Но я не это все же имел в виду, говоря, что у нас в стране нет никакой другой собственности, кроме частной.

Собственность предполагает владельца, хозяина, кровно, лично заинтересованного в сохранении и преумножении ее. Можем ли мы сказать, что в лице бюрократии имеем таких хозяев? Факты свидетельствуют о противоположном. За редчайшим исключением каждый из ее представителей за несколько тысяч, положенных в собственный карман или в сейф швейцарского банка, готов Аральское море превратить в соляную пустыню, все кедрачи Алтая спилить и сгноить в штабелях. Никогда, ни один колонизатор нигде так хищнически и так бессмысленно не уничтожал бесценные природные богатства, как это делают «частные владельцы» нашего государства (особенно в районах Сибири и Севера). Цифры, иллюстрирующие нашу бесхозяйственность, настолько удручающи, что их и приводить тошно. Назову лишь несколько, выхваченных наугад.

В государственном секторе сейчас находится 470 млрд рублей сверхнормативных запасов ресурсов... Эти средства и являются одним из наиболее реальных источников незаконных операций. Другой источник — неучтенные ресурсы... Взятки даются за выбивание фондов, поставщику продукции, за выгодную корректировку планов и т. д. Всевозможные приписки, списания — это не что иное, как способы сокрытия деятельности подпольной экономики... Рост дефицита, особенно искусственного, а именно он и преобладает у нас, стимулирует расширение «черного рынка»... На закупку сельхозпродуктов... государство выделяет ежегодно 50—60 млрд рублей, из них только на мясо — 20 млрд рублей... Основная часть этих средств расхищается за счет

разницы высоких закупочных и низких розничных цен. Иногда продукция заготавливается и продается только «на бумаге»... Более трети овощей и фруктов теряются при транспортировке и хранении и еще около 13% — в торговле. Это привлекает к себе расхитителей. Большинство хищений на плодобазах совершается как раз таким способом... По данным Института государства и права АН СССР, из 130 млрд рублей, истраченных за последние двадцать лет на мелиорацию, почти половина расхищена и разворована.

Эта вот, последняя цифра была брошена в лицо нашему государственному аппарату и правоохранительным органам больше года тому назад. Думаете, хоть кто-то заинтересовался ею, хоть кто-то обиделся, попытался опровергнуть? Как бы не так! Правительство, планируя 60 млрд рублей дефицита бюджета на нынешний год, вновь спокойно выделяет очередные 10 миллиардов своему любимому детищу Минводхозу, изменив только его вывеску, но сохранив его воровскую сущность. Разве так хозяева относятся к своему добру? Так ведут себя только ландскнехты, которым завоеванный город предоставлен на разграбление!

Нет, «государственная собственность» — это не собственность, это блеф, это что-то сваленное в кучу, никем не охраняемое, ничем не защищенное и дружно разворовываемое.

Второй «основой» экономики социализма в Конституции объявлялась собственность колхозно-кооперативная.

О «колхозной» нам долго говорить нет, наверное, нужды. Юрий Черниченко, седьмой десяток лет живущий на нашей земле, буквально за голову хватается, когда пробует понять, что наш колхозно-совхозный «вольный» хлебопашец сделал с ней, с этой землей. «Корова не может давать 2300 литров,— уверяет он как профессионал, знакомый с мировой статистикой,— это ошибка, это белая немецкая коза дает столько. Или швейцарская. Для этого не нужно иметь корову с крутыми рогами. И поля не могут в конце XX века давать по шестнадцать центнеров с га, так не бывает в природе. Картошка не может родить 70 центнеров с га, одну посеял — две взял, так может быть только в Якутии у Полярного круга, а не на нормальных полях»... (Атмода, 1990. 26 февраля). Откуда такая запущенность, заброшенность, неприкаянность? Все оттуда же. Колхозная собственность тоже государственная, то есть ничья, то есть отданная на разграбление жадным и невежественным силам. А вот от самих колхозников она охраняется по-настоящему, всерьез.

Председателей снимали с должности, исключали из партии и зачастую отдавали под суд, если они позволяли колхозному собранию выдать на трудодень на сто граммов зерна больше, чем определяли партийные функционеры. Владельцев колхозной собственности не столь давно можно было даже расстрелять за 6 колосков, сорванных ими на «собственном» поле (пять еще не считались расхищением государственной собственности).

Ну, а теперь давайте присмотримся: является ли у нас чьей-то реальной собственностью собственность кооперативная, о которой в последние годы столько разговоров, законодательное «разрешение» которой породило столько радужных надежд и иллюзий? Закон о кооперации был принят хороший, что и говорить, но кого из кооператоров он оказался способным защитить в случае покушения на его собственность?

Первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС И. Полозков недавно просто в набат начал бить, созывая, подобно Минину и Пожарскому, всенародное ополчение для борьбы с кооперацией — этой «раковой опухолью» нашего общества, с этим «вандализмом» и «распущенностью». Даже с законами призвал ради этой святой цели перестать церемониться (жители края, надо полагать, остались в большом недоумении — когда это, интересно, в их крае с законами «церемонились»? Долгожители не упомнят такого!): «Собирайте сход, митинг стотысячный и принимайте решение... Мы должны реагировать по существу, а не по закону!..» И даже предложил отзывать на сходах тех судей, которые, отстаивая свои антинародные позиции, стоят в вопросе о кооперативах на букве закона.

Лозунг был подхвачен (вот она — ведущая и направляющая роль партии, а маловеры пробуют еще ставить ее под сомнение!). «При чем тут закон? — возвышает свой голос в праведном гневе заведующий отделом крайисполкома Н. Харченко в ответ на протесты в связи с молниеносным закрытием 322 кооперативов (в том числе всех торгово-закупочных).— Мы же для людей делаем!»

Хороший, звонкий, мобилизующий лозунг родила жизнь в Краснодаре. Думаю, он будет золотом вышит на боевых знаменах нашей мафии: «При чем тут закон?!» Впрочем, может быть, и на знаменах наших правоохранительных органов тоже? «Да, есть определенный законом порядок закрытия кооперативов,— раздраженный непонятливостью заступников за «вандализм», парирует их доводы заместитель прокурора одного из районов Краснодарского края В. Гребень.— Но надо смотреть дальше и глубже. Почему мы слепо должны следовать закону, который не отвечает интересам народа?»

В Краснодарском крае, где, как свидетельствует пресса, под руководством краевой партийной организации дохнут от бесхозяйственности десятки тысяч голов скота (на суммы в десятки миллионов), где только за первое полугодие 1989 г. ущерб от сдачи хозяйствами некондиционной продукции достиг 40 млн рублей, а годовые потери от порчи плодоовощной продукции на полях и базах благодаря заботам крайисполкома составили 320—390 тысяч тонн, все торгово-закупочные кооперативы, после вышеописанного набата, были закрыты чохом. Мафия в своей трогательной до слез заботе об интересах живущих за чертой бедности потирает руки. А председатель крайисполкома Н. Кондратенко с пафосом присоединяет свой голос к голосу первого секретаря крайкома: «Хватит трепа — мы наступаем. У моего народа есть право знать, кто его грабит. Пока буду жив, буду беспощаден к спекулянтам, хапугам. Хочу, чтобы мои дети не стыдились приходить на мою могилу» (Московские новости. 1989. № 39. С. 5).

Так-то вот Конституция и специальный Закон о кооперации защищают у нас вид собственности, объявленный одним из краеугольных камней социализма. Да и сам-то закон этот чем защищен от произвола полозковых и кондратенков?

Тяжкие минуты горького разочарования в перестроечном потенциале Верховного Совета пережил я возле телевизора, когда там 26 сентября 1989 года шло обсуждение проблем кооперации (последующие тоже мало чем отличались). Ну то, что сторонники «рыночного социализма» в этом органе составляют подавляющее меньшинство, было и до того ясно. И гневные эскапады в адрес кооперации со стороны многих депутатов (в духе краснодарских борцов за народное благо) можно было бы пережить спокойно. Но когда в один из моментов заседания фактически без обсуждения, без предварительной проработки со специалистами, без выслушивания кооператоров (доверчиво откликнувшихся в свое время на призыв инициаторов перестройки своим трудом

и материальными тратами) было вынесено на голосование неразборчиво нацарапанное на клочке бумаги предложение нашего очень народного депутата тов. Сухова: 1. Запретить все посреднические и закупочные кооперативы! 2. Обязать те, что пока не ликвидируются, продавать свои товары и услуги по государственным ценам (или с 5—10% надбавки), я похолодел. Еще бы миг оторопелости тех немногих депутатов, что не хлопали стоя генералу Родионову, и с кооперацией в стране было бы навсегда покончено именем светлого будущего вдов и сирот.

И такой безнадежностью повеяло от этого эпизода, что... Это на каком же тонюсеньком волоске висит у нас в стране вся наша грандиозная «революция» в экономике?!

Захотели — разрешили, захотели — прихлопнули? И жаловаться некому и защиты ни у кого не найти! И при этом мы все еще надеемся, что какие-то мулы и рабочие лошадки будут с доверчивостью ослов вкладывать серьезные капиталы в фермы, кооперативы, аренду? Будут овладевать передовыми технологиями, посвящать жизнь изучению мировой конъюнктуры и дальним перспективам развития?.. Да и саму злополучную «частную» собственность при таком уровне социальной защищенности любой собственности в нашей стране как бы мы могли взять всерьез на вооружение, если бы даже наши парламентарии вдруг расхрабрились вписать ее в Закон о собственности и в Конституцию?

«Личная»-то собственность у нас по Конституции и сейчас, вроде бы, находится под надежной охраной закона. Но кооперативными, купленными на свои кровные квартирами мы до сих пор не вправе распоряжаться — за копейки (о, этот никому не объясненный процент амортизации!) должны передавать тому, кого назовут дельцы из правления. Да разве только кооперативными?

В Киеве за последние две пятилетки под нож бульдозера попали 10 тысяч частных жилых домов. С копеечной (по сравнению с их реальной стоимостью) компенсацией. Самое ужасное, что такая повседневная экспроприация личной собственности граждан СССР воспринимается нами как что-то естественное. Надо же городам расти? Надо же строить дороги, заводы, виллы для чиновников? Будто бы во всем мире при соблюдении святости чужой собственности ничего не сносят, не строят... И вот сейчас нам предлагают «покупать» квартиры, трактора, скоро землю начнут, видимо, по мелочи продавать, может быть и заводы... Сегодня продадут, а завтра передумают и отберут?

Не внеся ясности в подобную ситуацию, нам бессмысленно изрекать звонкие лозунги о новых формах экономической жизни. Где, в чем, как, кто гарантирует нашим кооператорам, арендаторам, фермерам, акционерам, частникам, что после того, как они вложат свои тысячи или миллионы (не считая труда) в землю, в помещения, в технику, в технологию, в подготовку кадров — не соберется вдруг Верховный Совет и по команде генерала Родионова или под воздействием истерических заклинаний Сухова не экспроприирует всю их «собственность» именем народа? Не обязательно даже путем конфискации. Измененной цифрочки в законе о налогах может оказаться для этого достаточно. И еще потом с торжеством объявят о переходе к «чисто экономическим методам управления народным хозяйством».

Я к чему клоню? К тому, что любая правовая норма, любая декларация конституции — пустой звук, если за ними не стоит реальная, организованная, способная постоять за эту норму всерьез социальная сила. Частная собственность при капитализме не потому собственность реальная, не отторжимая от владельца (а на этой именно базе строится и экономическое преуспеяние и демократические порядки), что она провозглашена в каких-то конституциях и декларациях священной, а потому, что в соблюдении этого принципа заинтересованы целые классы и слои населения (поглядев на нас, им очень стали дорожить и пролетарии). Любой случай покушения на принцип частной собственности вызовет гнев и тревогу очень у многих, как попытка покуситься на их кровные интересы. И они имеют политические механизмы, позволяющие пресечь такого рода попытки. Никакая отдельная политическая сила, никакой самый законодательнейший, самый верховнейший орган власти не в силах отменить священности. Воистину только социальная революция и кровавая (неизбежно) гражданская война могут отменить такую строчку конституции. Но вряд ли в развитых, демократических странах в обозримой перспективе кто-то всерьез захочет этого.

И если мы у себя в стране не добьемся сопоставимой защищенности любого из декларируемых сейчас видов собственности, мы из своей перманентной экономической катастрофы (обретенной вместо обещанной «перманентной революции») не выпутаемся, какие реформаторские хитрости ни придумывали бы, что бы ни записывали в свои конституции и своды законов.

Но о какой же «частной собственности» толковали мы в таком случае в начале главы? О самой обычной. И вполне защищенной в отличие от всех других, «более социалистических» ее форм.

Надеюсь, собственность иностранцев и зарубежных фирм, которая все активнее внедряется в наш быт, в нашу экономику, никому не придет в голову счесть не частной? И она, хоть и не абсолютно, но все же достаточно защищена нашими международными договорами и обязательствами. А вернее — силой государств, которые не позволят нам эти обязательства не выполнять (как это сплошь и рядом случается с нашими внутренними обязательствами).

Но главным владельцем частной собственности (вполне сопоставимой по масштабам с частной собственностью ряда капстран) является, конечно же, наша теневая экономика. «В целом «цена» «теневой экономики» сопоставима с объемом годового розничного товарооборота страны, т. е. ее «бюджет» составляет не менее 300—350 млрд рублей,— утверждает заведующий сектором проблем борьбы с экономической преступностью ВНИИ Прокуратуры СССР А. Ларьков.— Разрушительная сила этого капитала очевидна. Возможности коррупции на уровне госаппарата практически безграничны».

Андрей Бунич, исходя из самых скромных, самых проверенных цифр, признает, что объем нашей теневой экономики равен 17—25% всего национального дохода. И дело даже не в размерах. Теневая экономика не нечто внешнее для обычной нашей экономики, она пронизала ее изнутри, поставила под свой повседневный контроль с помощью коррумпированной управленческой системы и подчинила во многом своим целям (личное обогащение любой ценой), далеким от целей служения обществу и народу. Официальная экономика у нас во многом уже только питательная среда для теневой, способ создания условий наибольшего благоприятствования для ее расхитительной деятельности. Так что и ее, официальную, следует признать в какой-то мере как работающую на частную собственность теневых дельцов, мафиози всех рангов и разновидностей. И что особенно важно: собственность теневой экономики у нас (в отличие от всех прочих) по-настоящему защищена от произвола и безответственности управленцев. Чем именно? Выключенностью ее из системы официального оборота (стало быть, и контроля), коррупцией должностных лиц, тайными неправовыми нормами

и обязательствами подпольного мира, подкрепленными вооруженной силой их банд.

Нет, господа, собственность теневой экономики при социализме — это не мираж, не фикция, это единственная настоящая, вполне полноценная собственность, имеющая реальных хозяев, и именно поэтому она столь эффективна в достижении поставленных перед нею неправедных целей.

Очень хотелось бы поинтересоваться у наших официальных политологов, мозоли на языках набивших от воспеваний социализма, опирающегося полностью и безраздельно на «общенародную собственность»: как же нам все-таки трактовать, к какому виду относить собственность теневой экономики? К разновидности государственной (по их схемам — общенародной)? К колхозно-кооперативной?..

Не то четверть, не то половина национального дохода страны в безраздельном, частном распоряжении уголовников, а мы клянемся на весь мир в том, что никогда ни за что не допустим у себя «возрождения частной собственности»! Смешно и грустно. Нет, не такие уж мы особенные в этом мире. При ближайшем и непредвзятом рассмотрении все у нас, как у людей, да еще и погуще, чем у них. Так что не в том вопрос вовсе: есть или нет в СССР частная собственность на средства производства, «допускать» ее или не допускать? Вопрос в другом: будет ли она у нас и далее существовать только в воровском, не регулируемом обществом, разрушительном для экономики и морали виде или мы введем ее в рамки цивилизованного, созидательного, дающего доход государству и признающего правовые нормы функционирования? Но легализация частной собственности (в любых ее видах) невозможна и бесперспективна без выработки мер ее защищенности. Увы, всемогущая наша теневая экономика костьми ляжет, чтобы не допустить подобной защищенности любого вида собственности — без чего они все вместе и каждая по отдельности ей не конкуренты.

Так что наши патриоты могут спать спокойно — в их героической борьбе с реставраторами капитализма на их стороне очень мощные силы, которые в проблемах частной собственности разбираются лучше, чем кто бы то ни было другой. Той самой «частной собственности», которой у нас нет и быть не может.

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

МИЛОСЕРДИЕ И ЛЮДОЕДСТВО

О родине своей, Головном Узле, сохранил я воспоминания отрывочные: меня увезли оттуда шестнадцатилетним. Но они так переплелись с воспоминаниями мамы, что стали чем-то похожими на документальный фильм. В единственном экземпляре хранится он в моем личном фильмофонде. Недавно обнаружил, что некоторые его кадры и эпизоды могут быть интересны не только мне.

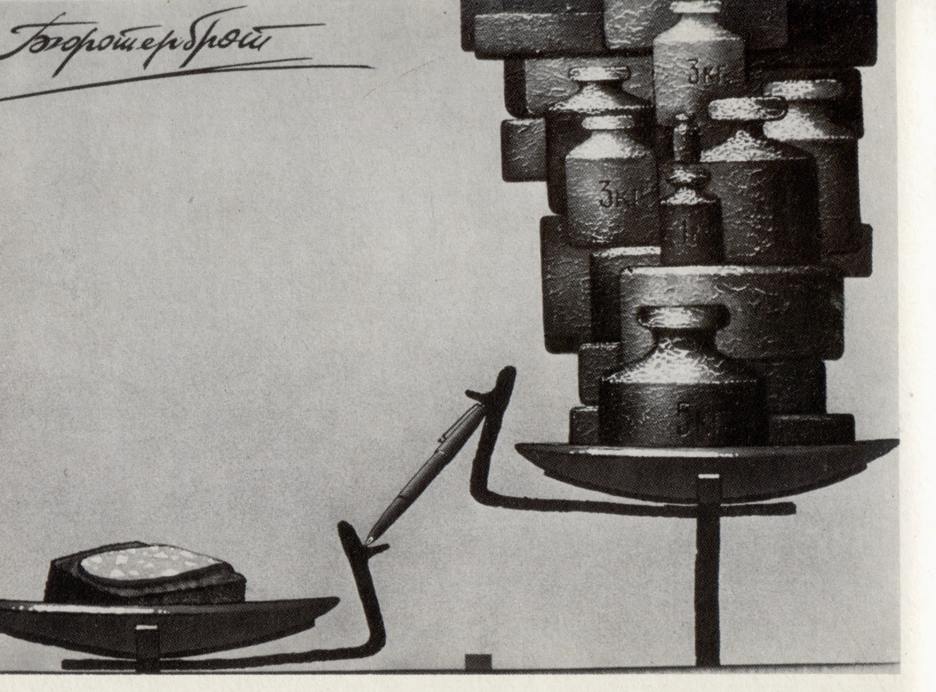
...По пыльной дороге навстречу подпрыгивающей полуторке несется ватага чумазых ребятишек. Для взрослых это дети местных узбеков, казахов и эвакуированных из европейской России, с Кубани и Украины. Мы же делимся по силе, росту, ловкости, умению отличить «студебеккер» от ЗИСа, сержанта от старшины, танк от тягача или танкетки, «ястребок» от «кукурузника». А вовсе не по тому, как попа-



О. Зайкова.
1989, 14 ДЕКАБРЯ

А. Амелин.
ТРИУМФАЛЬНОЕ ШЕСТВИЕ СОЦИАЛИЗМА





А. Орешков.
БЮРОТЕРБРОТ



Г. Белозеров.
ЗА РОДИНУ, ЗА СТАЛИНА

ли наши матери в поселок на границе между Узбекистаном и Казахстаном.

...Задыхаюсь от радости и счастья: всеобщий кумир Нури, назвав меня другом, дал поносить свою кепку-шестиклинку.

...Мама почему-то страшно волнуется, куда-то спешит и тянет меня за руку. Неожиданно взлетаю выше акаций и мягко падаю на перекрещенную ремнями грудь великана-военного: «Папа!!» Так вот, оказывается, кто на фронте складывает в сумку тети Юли-почтальона бумажные треугольнички — то для нас, то Илюшке, то Вовке Пряхину... А Фатиме перестал, и мама ее заболела! Так зачем же хватать меня! И начинаю истошно вопить: «Отберите меня от папы!..»

...В родильном отделении поселковой больнички — в той же палате, где получили койку и мы с мамой,— умерла молодая женщина, из эвакуированных. И акушерка-узбечка, муж которой тоже воевал тогда, многодетная (как большинство женщин ее народа), забрала моего новорожденного ровесника в свою семью. В войну роженицы умирали чаще, чем сегодня. Пенициллин еще до нас не дошел, белый стрептоцид тоже. А красный, токсичный, был дефицитен — как и сульфидин. Об истощении — физическом и нервном — говорить не приходится. Не раз еще выносили из барака окоченевшие женские тела. Ум и сердце многодетной узбечки и на миг не усомнились в том, что сморщенные орущие комочки — ее дети. Хотя появились они на свет от русских, украинок, евреек или казашек. И она делилась с приемышами всем: ложкой каши, каплей молока, а когда подрастали — куском жмыха или лепешки. Не своим (такого не имелось), а родных детей. Потеснив и их, и стариков-родителей, поделилась кровом — в своей «однокомнатной» глинобитной кибитке.

...Но не только осиротевших детей забирали к себе в Головном Узле. Забирали и малышей, имевших родителей. Не знаю точно, сколько их пропало за все годы лихолетья — сколько мальчиков и сколько девочек, сколько годовалых и двулеток. Мама, привязывавшая меня под окном своего амбулаторного кабинета, до сих пор ощущает тогдашний страх... Органы НКВД, «обезвредившие» столько «агентов», «наймитов», «вредителей», тут оказались беспомощными. И в нашем поселке, и в соседних дети продолжали исчезать. Пока кто-то не обнаружил в начинке пирожка с ливером крошечной розовый ноготок. Куплен пирожок был у двух бойких торговок — матери и дочери, прибывших в Головной с первой партией эвакуированных. И надкушен прямо на рынке...

Поселок походил до этого на единую дружную семью — общие тяготы сплачивают. Жили, доверяя друг другу во всем. И радости, и беды были общими. Теперь все рухнуло. Водитель полуторки дедушка Карим больше не катал нас, а медсестра Полина Бордунова прекратила читать вслух книгу «Два капитана». Санитарка Бакирова уж не раздавала сладкие шарики патоки и не рассказывала сказки об Алдаре Косе. Только всеобщее ликование 9 мая 1945 года вновь объединило людей. Но уже ненадолго — одни вернулись к себе в Воронеж или на Кубань, мы переехали в Чирчик.

Женщин, подбирающих осиротевших детей, не отличающих их потом от кровных и не ждущих почета и привилегий, в военную годину было немало. Какая-то похожая история связана, например, с детством космонавта В. А. Джанибекова, родившегося в соседнем поселке того же Бостандыкского района. Но сегодня такие люди кажутся мифическими, легендарными. Как, например, Прометей или Муций Сцевола!

А людоеды и каннибалы не перевелись. Похоже — они даже размножились. Кто не читал или не слышал об исчезнувших детях и взрослых и о том, что нутрий (а их доходным разведением увлеклись на Северном Кавказе) кормили дешевой человечиной!!

Далеки ли от людоедства люди, считающие себя лучше всех потому, что они русские, азербайджанцы, узбеки, армяне или евреи! Или, наоборот, других — хуже: по той же самой причине! И призывающие к выселению, избиению, погромам!!

Почему получилось у нас так — ответить не просто. Причин много.

Одна (по-видимому, основная) — бесконечные, изнуряющие душу и тело нехватки самого необходимого: хлеба, сахара, муки, мяса, стирального порошка, обуви... Всего не перечислить. А жилищный вопрос! А места в детских яслях и садах! А транспорт! Очереди генерируют ненависть. К стоящим впереди, к очкарикам и тем, кто надел шляпу, к чучмекам, к хохлам, жидам, к безродным космополитам, к интеллигенции, к лимитчикам...

Наилучшие годы, на моей памяти: вторая половина пятидесятых — начало шестидесятых. На глазах улучшалась жизнь. Тысячи семей из подвалов, бараков, развалюх въехали, наконец, в собственные квартиры. Пусть маленькие, но отдельные! Появились новые товары — хорошие и недорогие. Люди заговорили о неслыханных ранее красивых вещах: о пассажирских реактивных самолетах и турпоездах, о молодежных кафе и современной музыке, о космосе и о новых поэтах... А слухами о происках инородцев интересоваться перестали. Но ненадолго. Опять исчезли хлеб, макароны, мясо, конфеты, молоко. И сразу шепоток: «Всю торговлю скупили грузины (варианты: армяне, чеченцы, татары, тюрки азери или месхи и т. д.)».

Слушали те, кому не приходило в голову, что возможностью распродавать торговые точки обладали только партийно-исполкомовские бонзы. Русские — в Москве, Ленинграде или Новосибирске; казахи — в Новом Узене или Алма-Ате; якуты — в Мирном и Якутске; узбеки — в Фергане...

Другая (тоже немаловажная) причина, безусловно, в том, что никогда и никого не наказали за враждебность к другим народам. Ее у нас просто «не было». Как и наркомании, и проституции...

Назову и третью причину. В раздувании националистической вражды, безусловно, повинны органы печати, сеющие подозрительность, ненависть, злобу. Трудно не увидеть, как ловчат иные «человеческих душ инженеры и техники», твердя о засилии инородцев как причине трагедий нашего народа. Они выискивают русофобию там, где ее не было и нет,— например, в произведениях В. С. Гроссмана, интереснейшего (как оказалось!) русского писателя,— и ею, как фиговым листочком, прикрывают свой оголтелый шовинизм.

Не думаю, что знаю все причины. Но одну — несуществующую, выдуманную, но раздуваемую — назову безошибочно. И не устану утверждать, что на Земле не было и нет плохих народов, порочных наций или этнических групп. Люди же, за которых стыдно, есть, к сожалению, и среди русских. И становится горько и обидно — неужели победят у нас кликуши и восторжествуют людоеды!

Виктор КУЗНЕЦОВ

Леонид Баткин

ЕЩЕ ОДИН ОБЕСКУРАЖИВАЮЩИЙ УСПЕХ

После слухов о готовящейся отставке Горбачева с поста генсека, напугавших мировую печать; после отсрочки Пленума на неделю и непривычной затяжки его заседаний; после того как Лигачев, пойдя на открытый скандал, фактически потребовал, чтобы ответственность за тбилисскую бойню с ним разделили Шеварднадзе, Яковлев и сам Горбачев; наконец, после того, как примерно четыре из каждых пяти выступлений на Пленуме членов ЦК были пронизаны нежеланием кардинальных перемен,— опять именно Горбачев, не имея большинства ни в ЦК, ни, возможно, в Политбюро, добивается в этой бесконечной, растянувшейся уже на пять лет жесткой аппаратной игре — очередного убедительного выигрыша по очкам.

Президент Буш аплодировал, западные люди, в том числе сотрудники радиостанции «Свобода», удобно расположившись в партере, аплодировали — и мы, теснясь и перегибаясь с пятого яруса галерки, конечно, тоже не жалели ладоней.

Еще бы не успех!

Первое и главное: Москва больше не станет мешать другим народам выбирать свободу, будь то в Германии или Прибалтике. Во всяком случае, **танки больше не будут служить аргументом** в подобных спорах. (Правда, пока не совсем понятно, действителен ли этот принцип также и под южными широтами.) Начавшись как «литовский», Пленум был искусно прерван... а в итоге мы получили резолюцию с несколькими недовольными фразами, за которую, по словам Ельцина, спокойно голосовал и практичный, рассудительный Бразаускас. Вот ступень политико-исторической зрелости, давшаяся и Михаилу Сергеевичу наверняка нелегко, пусть и поневоле (мы видели все своими глазами во время его поездки в Литву) — но ступень преодоленная. Тот, кто внимательно читал выступления на Пленуме советских «ястребов», вроде этого второго секретаря из Казахстана, может вообразить,— нет, **не может** вообразить! — чего это стоило, какие неимоверные сцены разыгрывались за кремлевскими кулисами. Что ж, с облегчением переведем дыхание.

Второе... и второстепенное. Только что, в декабре, было сделано все, чтобы заблокировать обсуждение на Съезде пресловутой статьи шестой. Теперь, в «платформе», ЦК КПСС вдруг заявляет: да боже ты мой, да не нужна она нам, да **мы сами** не желаем этой шестой и отменим ее хоть завтра же! После того как Восточная Европа переходит к парламентской многопартийной демократии, после того как против шестой открыто возмутились у нас миллионы, в том числе партийцев, после того как против нее проголосовало даже в Верховном Совете большинство (хотя и «неквалифицированное») — откровенно говоря, этот жест не кажется новаторским. Он запоздал, по крайней мере, на год или полгода, он тоже вынужденный. Но будем вежливыми и, в соответствии с этикетом советских очередей, не станем спрашивать ЦК — не вы ли последние в очереди за демократией? Не последние, а крайние...

Так или иначе, КПСС впервые с 1918 г. заявила, что «не претен-

дует на монополию и готова к политическому диалогу и сотрудничеству со всеми, кто выступает за обновление социалистического общества». Замечу, впрочем, вскользь, что последние слова попали сюда зря. Со временем — и скоро! — их придется снять. Ведь рядом значится, что о «социализме» можно сказать только то, что... «это будет совсем другое общество». Далее перечислено, что в нем надо бы иметь «другого», то есть такого, чего у нас нет: это ценности, которые, как признано тут же, «стали достоянием всякого цивилизованного общества». А ежели так, лучше бы изъявить готовность к диалогу **со всеми цивилизованными политическими силами**. А не только «социалистическими». И глядя на Чехословакию, Польшу или ГДР, не делать в этом смысле различий между мышлением во внешнеполитической сфере («новым») и сфере внутриполитической (слегка подновленным, лоскутным, уж никак не «новым»).

Какой-то «шаг вперед» бесспорен, но для радости повода не находится. Через силу выговоренные слова пока не подкреплены никакими реалиями. Да, впервые партия обещает отстаивать свою руководящую роль при помощи свободных выборов, в частной конкуренции с другими партиями, о которых осторожно замечено, что «развитие общества не исключает возможности создания и партий». **Требует**, а «не исключает»! Но — спасибо, конечно. Хорошо, что довелось дожить до такого признания. Чуть не сто лет шли мы к этой фразе. Однако, сказав в связи с шестой статьей «а», необходимо вымолвить и «б» — и далее до конца алфавита. Почему же это партия, тем не менее, собирается и впредь организовываться по «территориально-производственному признаку», то есть быть вездесущей? А если так, то что же — и другие партии заведут свои парткомы на предприятиях? Нет, придется партиям, включая КПСС, уйти с производства. Главное же действительно отделиться от государственного механизма. Пока КГБ — партийная организация, пока в армии верховодят политорганы, пока судьям и прокурорам звонят из райкомов, пока в посольствах проводятся партийные собрания, пока студенты обязаны изучать историю и философию **одной** партии — шестая статья останется. Как она оставалась до своего появления в 1977 году. Отказ от шестой — не декларация, не замена одних ритуальных слов другими, а глубинный процесс переустройства всей нашей жизни, ее основ. «Отмена 6-й» — всего лишь сигнал к **началу** этого процесса, весьма известного нашим восточноевропейским союзникам.

Итак, порадовавшись новой победе Горбачева над крайне правыми, мы не в состоянии видеть в который уже раз единственный содержательный повод для радости только в этом. И мы погружаемся в чтение официальной предсъездовской платформы: что там есть еще, что это за документ в целом? Нетрудно сразу же обнаружить, что как раз чем-то **целым** платформа не является принципиально. Она задумана, составлена в качестве никакой, ничейной. Но это и не деловой компромисс между двумя крылами партийной верхушки. Потому что чередуется лишь окраска слов, но, кроме перестроечных штампов, обветшалой риторики, часто нарочито туманной, в платформе на первый взгляд ничего не разберешь: Стилистика! — вот первое, что поражает при знакомстве с этим документом, сработанным посредством ножниц и обилия клея.

Да, «у перестройки нет разумной альтернативы». Да, «надо смело и последовательно идти этим путем». Вот сейчас прочитаем, как смело и куда конкретно? Да, есть «ошибки и просчеты, допущенные в ходе осуществления самих реформ». Что за «ошибки»? Кем и когда «допущенные»? Ни слова. «Выход один — действовать решительней». Замечательно, верно, но... не значит ли это, что на мартовском Пленуме (1989 г.) аграрная реформа была завалена? Что затем сентябрьский Пленум похоронил надежду на истинное обновление СССР? Что принятые на II Съезде экономические планы исключают формулу «действовать решительней», отодвигая структурные экономические реформы на три года?.. Ни слова. Никакого реального анализа.

Зато в разделе II говорится: «обеспечить каждую семью отдельной квартирой к 2000 году» (кто в это верит?), «наращивание темпов», «значительное увеличение ассигнований», «усиление гарантий», «резкое улучшение качества», «решительное увеличение заботы о детях» и т. д. и т. п. И даже: «открытие широких возможностей для реализации способностей и удовлетворения потребностей»! Вот так. На 9/10 текст платформы состоит из такой залежалой пропагандистской бижутерии.

Ладно, все понимают, что читать это пытливо, строчка за строчкой не следует, никто так и не читает. Все знают с детства правила игры, **ищут фразы со смыслом**. То есть не с конкретным, конечно, политическим смыслом, но с намеком, с «веяниями».

И обнаруживаем-таки! Отрадно прочесть, что «человек — самоцель истории», или что «мы отказываемся от упрощенного классового подхода», или что социал-демократические партии «вносят свой вклад в прогрессивное развитие», или даже что «надо признать личную свободу главной жизненной ценностью». Это все явно не из Ильича. Уж не из Джона ли Стюарта Милля, классика либерализма?

Между тем в платформе сурово сказано: «Подтверждая верность творческому духу материалистического мировоззрения, диалектической методологии Маркса, Энгельса, Ленина... отбрасываем догматизм и нетерпимость к другим взглядам и идеям». Позвольте, но клясться на верность идеям социологов и политиков прошлого, самому младшему из которых ровно 120 лет,— это и есть уже догматизм, причем в роскошном древневосточном стиле. Сами эти официальные прадедушки, из которых один был гениальным мыслителем, а другой удивительным политиком, к тому же уж что-что, а образцы нетерпимости дали сами. Надо предоставить их наконец-то **историкам** и «учиться» у истории, которой они навеки принадлежат,— но не у них самих.

Кстати, в журнале «Новое время» (№ 7, 1989 г.) Шатров призывает «талантливо защищать Ленина». Эк, хватился, почтенный Михаил Филиппович! То была специфическая задача первой «оттепели» и «застоя» — талантливо выкручиваться, противопоставляя Марксу — совсем-совсем раннего Маркса, а Ленину — совсем-совсем позднего, непременно лежащего в инсульте, и их обоих — Сталину. М. Ф. Шатров советует сообщить молодежи, что Ленин — не бог, что он, подумать только, мог ошибаться и «просто живой человек». Не означает ли это психологически и политически смешивать эпоху застоя и эпоху перестройки?

Не забудем, что идея «Советов», впрочем, уже при Ленине подмятых под партийные органы, провалилась (то есть идея непосредственного соединения под лозунгами «пролетарской диктатуры» исполнительной и законодательной власти в противовес представительной демократии). Сейчас эту идею разделяют только, кажется, в Ливии? Мы называем свой парламент и свои муниципалитеты по традиции «Советами», но это, конечно, вовсе не Советы в ленинском смысле. Далее. КПСС предстоит позаботиться о том, чтобы перестать быть «партией нового типа», с полувоенной дисциплиной, словно бы только вчера вышедшей из подполья,— и стать партией старого типа. Но в платформе

ЦК КПСС есть и попытки освежить гиблую идею демократического централизма, есть и ленинский запрет фракций, более того, есть пассаж прямиком из 1987 года: «одинаково (неужто еще и «одинаково»? — **Л. Б.**) опасны как идеализация прошлого, нежелание знать полную и суровую правду о трагических сторонах нашей истории, так и попытки перечеркнуть все по-настоящему великое и ценное в нашем историческом наследии. Нельзя обрывать преемственную связь труда и борьбы советских людей».

А она, увы, и не оборвана. Как жили, так и живем пока. Между тем преемственную связь необходимо именно оборвать. Новая партия, та, что, как я думаю, уже летом возникнет на месте КПСС после ее последнего съезда,— не должна быть продолжением, наследницей прежней партии и не должна поэтому нести ответственность за все содеянное КПСС. Так же как и, допустим, денацификация ФРГ означала полный разрыв с прошлым, так и идейная десталинизация (необратимая заслуга горбачевского курса) должна быть доведена до такого разрыва. Люди же, которые по-прежнему, у порога XXI века, хотят считать себя социалистами, должны отречься от старого мира, отряхнуть его прах с наших ног. Вот тогда студентка, о которой рассказал М. Ф. Шатров, не будет кричать на экзамене: «Ненавижу вашего Ленина». Ведь не кричит же она «ненавижу вашего Петра и царевну Софью Алексеевну». Чтобы молодые люди перестали ненавидеть «вашего Ленина», хватит делать его «просто живым человеком». Он не живой, а давно умерший человек. Он ушел в историю вместе с Плехановым, Каутским, Мартовым, Милюковым, Троцким, Керенским, Сталиным и множеством своих сторонников и врагов. Эту большевистскую, меньшевистскую, кадетскую и т. д. историю мы еще долго будем изучать и обдумывать. Но не следовало бы путать ее с **новым временем** перестройки... скажу я с несколько форсированным оптимизмом.

Придется опустить много чего из текста платформы. Что значит «повышение роли суда»? Эта роль, как и свежесть осетрины, не может повышаться и понижаться. Или это настоящий, т. е. независимый, суд, или его нет. Что это за ужасные «правозащитные» «общественно-государственные комиссии» нам обещаны? Почему в платформе КПСС не разъяснено, будет ли у нас и впредь, по ее расчетам, существовать тайная политическая полиция? Появится ли независимая печать? Почему в рассуждении о плановом централизованном руководстве экономикой говорится, что оно должно осуществляться «по преимуществу экономическими средствами»? От этого «по преимуществу» бросает в дрожь. Но все это и многое иное — все мелочи, придирки, цветочки. В заключение сосредоточусь только на главном, на том, что меня по-настоящему тревожит и делает в моих глазах результаты Пленума ЦК КПСС исторически безнадежными. Это, прежде всего, четыре доказательства политического дальтонизма. Я изъясняюсь совершенно откровенно и резко, но у нас уже **нет времени** бояться или подыскивать окольные словечки.

Первое. В разделе V («К новой федерации») есть немало разумных формулировок, но их все перечеркивает заявление о том, что «наш подход к вопросам развития наций» изложен в платформе, принятой в сентябре 1989 г. Та платформа — мертворожденная, и, казалось бы, это теперь можно подтвердить не только ее разбором, но самим ходом событий за **полгода**, прошедшие после сентября. Коротко говоря: не «развитие договорного принципа строения Союза» необходимо — потому что **нет** сейчас такого принципа, о чем и сказал М. С. Горбачев в Вильнюсе: «Мы еще не жили в федерации». Тогда — о каком «совершенствовании Советского федеративного государства» речь? Как можно «усовершенствовать» верблюда так, чтобы превратить его в слона? От Закавказья до Прибалтики нарастает процесс **распада** СССР, все это видят и как будто понимают. Но вместо того, чтобы предложить немедленно (после избрания республиканских парламентов) открыть переговоры между **делегациями** стран и народов СССР (а не в Верховном Совете — т. е. **вне** прежних структур) о заключении нового Договора; вместо того, чтобы предложить принципиально новую модель содружества советских республик, о которой можно было бы спорить, но которая никоим образом не выглядела бы, как «совершенствование» и «развитие» нынешнего, сталинского устройства,— ср., например, проект А. Д. Сахарова,— платформа обходит действительную, трагическую глубину проблемы. Очевидно, еще не поздно выдвинуть такую **заманчиво выгодную** модель беспрецедентной **конфедерации** (или чего-то среднего между конфедерацией и федерацией с гибкими различиями по степени включенности членов, в зависимости от их желаний и возможностей) — такую модель **другого государства**, которое не походило бы на то, из которого рвутся выйти. Над которой стоило бы призадуматься. Но сентябрьская платформа ЦК, с ее идеей «сильного центра», да и нынешние, звучащие гораздо более приемлемо, но лишенные конкретности, запоздавшие, не срабатывающие формулировки,— все сулят и сулят некое «совершенствование» и «реальное наполнение суверенитета союзных республик и новый уровень самостоятельности» и пр. А вот это — поздно! Дырявый сосуд уже не наполнишь. Опередить центробежный процесс посредством радикальности мышления и решений — КПСС по-прежнему не в силах.

Второе. Платформа отвергает понятие «частной собственности». Дело вовсе не в том, что она названа трудовой индивидуальной собственностью на средства производства. А в том, что далее следует мистическая фраза об исключении «эксплуатации человека человеком». То бишь найма работников частным собственником. Разрешена только эксплуатация человека государством, коллективом, на худой конец, кооперативом, если его не додушат вскоре окончательно.

У нас принципы. Мы хотим ишачить за гроши на любимую контору. То, что размеры зарплаты, условия труда и т. п. у частного собственника могут быть для трудящегося выгодней (и защищены профсоюзами, законами), а стало быть, и эксплуатация приятней? — о том ни слова. В таком случае, фраза о «свободе... реального выбора работником форм и способов приложения своих способностей» оказывается болтовней. Болтовня — и тезис о «равенстве» всех форм собственности. Поскольку «частник» не допущен на рынок рабочей силы. В отличие от других собственников. А попросту говоря, он лишен права завести дело в сфере услуг, скажем, фабрику химчистки; или предприятие по изготовлению кроссовок; или даже продуктовую лавку, наняв кассира или шофера. А как фермеру управиться без нескольких помощников, ежели в семье слишком мало рабочих рук? Итак, частной торговли и даже мелкого предпринимательства — не предвидится. Разрешены только (на бумаге) кустарь-одиночка и мужик-единоличник.

Третье. Но неправда и то, будто мужик разрешен. Если по платформе — нам не дожить до развитого мелкособственнического крестьянского уклада. Без поднаема рабочей силы, или субаренды, или заклада земли банку под кредиты — как прокрутиться в подвижных хозяйственных ситуациях? Но откуда взять и саму землю, без свободы выхода из совхоза и колхоза с наделом и соответствующей долей инвентаря, скота, помещений или стройматериалов, удобрений и пр.? Без

государственных льгот (освобождения, скажем, на первые два года от налогов) — реального равенства двух форм собственности, существующей и только зарождающейся — тоже не получим. Чтобы не было спекуляции землей и не возникали латифундисты, можно бы установить обязательное личное участие в обработке земли, и что переход участка из рук в руки должен происходить не чаще, чем, скажем, в 3—5 лет, и максимальные размеры землевладения, и всякие иные формы регулирования частной земельной собственности. Но сама эта собственность — должна ли возникнуть? — наряду с коллективной (там, где крестьяне — в одном случае из пяти? из трех? — предпочтут колхоз-совхоз).

Верховный Совет принял Закон о земле. Но он разделит судьбу законов о кооперативах или об аренде. Настоящей передачи земли крестьянам — не будет. По-моему, отказ от радикальной аграрной реформы — чистейшее безумие. Сохранение системы, созданной в 1929—1932 годах, страшней всего. Значит, и продовольственного перелома не будет. А будет нарастание голода и социального напряжения.

Что же это такое?! После пяти лет перестройки все те же незыблемые ведомства в промышленности, еще одна (абалкинская) «пятилетка», те же колхозы-совхозы и бессмертный, как Кащей, вроде отмененный год тому назад, но живехонький агропром над ними, та же тотальная государственно-партийная система, неспособность аппарата к структурным реформам, та же падающая вниз экономическая кривая и приходящий во все большее бешенство народ, который газеты смеют поучать и бранить за то, что митингует, что его терпение кончается, кончилось — все! Неужто не ясно, что все?

А тут ЦК КПСС принимает платформу, у которой, как и у всех принимаемых руководством страны решений, только два изъяна: во-первых, они запаздывают этак на год-другой-третий, а во-вторых, они половинчаты, заредактированы, чтоб не слишком влево и не слишком вправо, не слишком конкретно и не слишком прямо. Пафос «постепенности». Принимают ту платформу, которая более или менее устраивает всех в Политбюро и ЦК при сиюминутном аппаратном раскладе. А дела все хуже, потому что осторожность и рассудительность в 1990 году требуют как раз предельной смелости и быстроты. Но — не тот состав ЦК, не те люди.

А слева — в России — аморфное гулкое политическое пространство, разброд сотен и тысяч движений, фронтов, клубов.

Самое-самое опасное для М. С. Горбачева — отсутствие сильных, организованных оппонентов и партнеров слева. Нет пока для центризма в России мощного левого упора, поэтому нет (собственно, и не может быть) эффективного центризма. И все, все решится — откристаллизуется или провалится — очевидно, уже этой весной и летом. В исключительном для истории нашей — 1990 году!

И последнее. Идея президентства как якоря спасения. Я, как и многие, за институт сильной президентской власти. Но дело ведь не в том, что Конституция сейчас сильной, огромной власти Председателю Верховного Совета не дает. Дает! Перечитайте-ка Конституцию. А дело в том, что Председателя и Генсека «не слушаются» — и никого, и ничего не слушаются. Исчез страх... но исчезло и доверие. Нет доверия к руководству страны. Необходимо поэтому новое руководство с новым политическим мандатом от населения. Когда наспех созванный Чрезвычайный Съезд, в том же послушном составе, наделит того же человека еще одним звучным званием, это станет или пустым жестом, или условным сигналом для появления «сильной руки», действующей... посредством тех же аппаратных, ведомственных, командных механизмов. Эта безнадежная роль — не для инициатора перестройки. Это ничего не поправило бы, поскольку доверия не прибавило бы. Наоборот! И тогда вся ответственность — на Горбачеве. И если можно **так** избрать, то легко **так** и убрать. Это ловушка. И для всех нас, и для самого Горбачева...

Президентство может стать содержательной политической реформой только при условии общенародных прямых выборов. Вот тогда Горбачев получил бы принципиально новый исторический мандат и мог бы начать игру заново. Выборы на съезде дадут Михаилу Сергеевичу не новую власть, а еще одну подпорку для споров на заседаниях Политбюро, зато и — потенциально — рост народного разочарования и нетерпения. Будет и центробежная реакция республик. В такой форме «президентство» (пост как бы «врио президента») — искусственный аппаратный ход, а не настоящий, политический, радикальный. Он не решает проблемы доверия.

Далее. Сильная исполнительная власть должна быть уравновешена не менее сильной законодательной. Безжизненность двухступенчатой структуры (Съезд — Верховный Совет) нетрудно было предсказать, когда она затевалась. Теперь это ясно для всех. Чтобы законодательная власть уравновесила власть президента, необходимо распустить Съезд и назначить одновременно с выборами президента прямые выборы нового двухпалатного Верховного Совета, в составе 600—700 человек, который заменил бы собой нынешний постоянный парламент. И ему должен бы принести присягу Президент. Но когда будет принята новая Конституция — до или после? И как увязать это с переговорами республик по заключению нового Договора? До или логичней все-таки после?

Так или иначе, без немедленного приступа к радикальным экономическим реформам, без замены КПСС другой партией (или почти наверняка — двумя или тремя партиями из числа ее бывших членов), без многопартийности вообще, без подготовки и переговоров о Союзном Договоре, без новой Конституции, без чуткого баланса при разделении властей — новая импровизированная затея с президентством, маневр вместо фундаментального преображения страны — все это сулит нам новые трудности, и, может быть, непоправимые.

Вот почему, обдумывая очередной успех М. С. Горбачева на февральском Пленуме, я вынужден признать этот успех обескураживающим. По-прежнему не ясно наше будущее — не только отдаленное, но и ближайшее. По-прежнему оно остается двусмысленным и опасным.

Зато 25 февраля половодье гигантских предвыборных митингов, прошедших, вопреки бесстыдным запугиваниям «сверху», цивилизованно, празднично и осмысленно в десятках городов, начиная с Москвы,— вот надежда! Похоже, что у запугивающих вполне понятные «эмоции — возобладали над разумом»... Но нас, тех, кто «снизу», нами же не запугать. Народу достанет и разума, и эмоций. Не «народу» в мифологическом и риторическом значении, а, чтобы выразиться без ложного пафоса,— населению, нам (разным), жителям страны, не таким уж, оказывается, инертным, глупым, спившимся, способным разве что на «бунт бессмысленный и беспощадный»,— а колоссально созревшим политически за какой-нибудь год с прошлого марта — в значительной своей массе и во многих регионах. В частности, из «митинговой стихии» (за неимением многопартийности, независимой печати и пр.) именно

и прорастают у нас на глазах (пусть не везде, не всегда) новое, демократическое сознание и — решимость.

Главные слова народом еще не сказаны. Больше не во что верить, и я в это верю. А вот сумеет ли аппарат сделать здравые выводы из того предметного урока, который он получил в последнее зимнее воскресенье?

Весна начинается и, говорят, будет дружной.

25 февраля 1990 года

ПОСТСКРИПТУМ

Прошло немногим более месяца после того, как были написаны февральские заметки, и у меня появилась возможность кое-что добавить перед сдачей в набор.

Самое сильное впечатление марта 1990 г. — конечно, III Чрезвычайный Съезд народных депутатов. С той же решительностью, с какой тремя месяцами ранее большинство, вслед за руководством КПСС, отказалось обсуждать шестую статью, теперь оно — вслед за ним же — проголосовало за формальное исключение «руководящей роли» коммунистов из Конституции. Не без труда, с избытком всего в 46 голосов, но удалось наскрести и потребные две трети для введения статей о президентстве. М. С. Горбачев стал первым Президентом, собрав 59% голосов от списочного состава Съезда (но по существу — решением февральского Пленума). Этому предшествовали колоритные прения, но интерес к ним населения явно спал.

Все происходило, я бы сказал, не только откровенней, часто грубей в речах, раздававшихся с трибуны (со стороны «правых» и «популистов»), но и еще более по-отечески, если говорить о сценарии. По-отечески, по-свойски, по-нашенски; тут президиум и зал были, в основном, едины. На заседаниях, где обсуждались конституционные прерогативы президента, председательствовал сам (бесспорный!) будущий президент. Когда же соответствующие изменения в Конституцию были внесены и, в частности, установлено, что Президент не может отправлять обязанности спикера парламента, и когда Горбачев был уже избран, а теперь оставалось избрать А. И. Лукьянова,— все-таки продолжал председательствовать Президент. В порядке, что ли, исключения. И то сказать, к чему формальности? — тем более, что лучше, чем у Михаила Сергеевича, это ни у кого не получилось бы.

Выборы Президента на Съезде тоже состоялись в виде исключения, вопреки только что принятому закону. Почему? **Так было надо.** Почему надо? — произносить не принято, но намеки в печати и на Съезде прозвучали. Дмитрий Сергеевич Лихачев сказал об этом короче, прямей, но и загадочней других: иначе будет «гражданская война». Ох! Но — кого с кем? Реакционного большинства в аппарате, при поддержке генералов — против Горбачева, его сторонников и против его оппонентов слева, против перестройки, против избирателей, против республик, вообще против всех, кто левей Полозкова и т. п.? Хотя это, по-моему, называется не гражданской войной, а партийно-милитаристским верхушечным путчем, но — это сценарий, заслуживающий обсуждения, и я свое личное мнение о нем выскажу ниже. А пока вернемся на Съезд. Почему — если даже учесть, что срок полномочий этого состава Съезда истечет через четыре года (ой ли?), а передачу власти законодательной и исполнительной лучше сделать не синхронной,— почему

Президента избирали на пять лет, а не, допустим, на три года? — спросил кто-то из депутатов. Отвечавший ему авторитетный юрист согласился, что логично было бы и на три, лишь возразил: а почему бы и не на пять?

Но замечательней всего было то, что все поправки к принятым вначале «в целом» проектам конституционных изменений отвергались, даже если набирали 2/3 голосов присутствовавших и более половины от списочного состава, но не 2/3 от этого состава... Поскольку председательствующий полагал, что принятое «в целом» — уже есть произведенное изменение, часть действующей с этого момента Конституции. Правда, некоторыми овладевало тоскливое недоумение: почему же тогда **то** называлось «в целом», а **это** «поправками», в какой процедуре участвовал Съезд? Ведь получилось, что депутаты, поддержавшие проект изменений в целом, тем самым проголосовали **против себя же** как убежденных сторонников поправок и уточнений. Так, в поте лица, работали и голосовали два дня, пока кому-то из депутатов не вздумалось смеха ради заглянуть в регламент Съезда. Обнаружилось, что по регламенту полагалось сначала принять изменения Конституции действительно в целом, **в первом чтении,** простым большинством, затем — и тоже простым большинством — проголосовать поправки, а затем уже во втором чтении изменить Конституцию двумя третями голосов. То есть весь Съезд прошел в нарушение принятых им же требований процедуры.

Конечно, эта констатация не могла быть расценена иначе, как бузотерская и подрывная выходка, затеянная леваками, чтобы помешать дивно слаженной работе законодателей. Так, примерно, ее и расценил председательствующий — и Съезд отверг провокационные вылазки тех, кто не понимает всей неудобности и неуместности таких законов, из которых были бы невозможны естественные, непринужденные исключения... Надо сказать, что сквозная презумпция советского современного правосознания состоит в том, что, ежели **мы** — мы! — принимаем те или иные законы, то уж кто-кто, а **мы**-то, Съезд, в силе свои же собственные решения изменить, отменить, похерить — по обстоятельствам... Своя рука — владыка.

А еще Съезд собрался было «давать отводы» депутатам, чьи кандидатуры были выставлены на пост Анатолия Ивановича, и даже, кажется, сгоряча проголосовал уже за чей-то отвод; но тут кое-кто стал рассуждать о различиях между парламентом и, скажем, партсобранием; соглашаться с таким тоже довольно-таки педантическим доводом большинству искренне не хотелось; однако В. Н. Кудрявцев, опять приглашенный на трибуну для юридических разъяснений, вдруг подтвердил правоту смутьянов и сослался на регламент. По-моему, Владимир Николаевич глубоко ошибся... в Англии, где в ходу прецедентное право, с ним не согласились бы; поскольку до этого работа Съезда постоянно основывалась на исключениях, было вовсе не обязательно и странно в этом вопросе делать исключение из исключений. Но нехотя от «отводов», т. е. от замены тайного голосования открытым,— все же отказались.

Было и еще много живописного и замечательного на Съезде.

Вспоминать об этом следует потому, что институт президентства вписан именно в такой, реальный контекст нашей политической культуры, в такой уровень младенческого парламентаризма, неразрывно соотнесен с ним. И должен оцениваться на этом фоне. Доводы сторонников немедленного избрания Президента на Съезде (в том числе и

части «межрегиональной группы», расколовшейся по этому вопросу, как и демократы в стране, как и либеральная интеллигенция — например, члены «Московской трибуны») сводились к следующему. Во-первых, надо доверять человеку, которому мы обязаны инициативой перестройки и который связал с обновлением страны свою политическую и личную судьбу. Во-вторых, и это главное, хаос в стране нарастает, как нарастает и давление справа: необходимо укрепить власть Горбачева, и эта **центристская сильная исполнительная власть** единственно в состоянии обеспечить плавное продвижение влево, радикализацию перестройки. В-третьих, центр тяжести переместился бы от КПСС к государству как таковому, от Политбюро — к Президенту. Ну, а те, кто во имя демократических принципов горячо возражал против избрания президента **на Съезде** (до появления реальной многопартийности, независимой прессы, демократически избранного и сильного парламента),— это люди, настроенные догматически, это зануды, приносящие в жертву жестким, пусть и прекрасным принципам — политическую реальность и общую судьбу.

Я принадлежал и принадлежу к числу таких зануд. Теперь, когда дело сделано, Президент у нас есть,— следует еще раз объяснить, на чем основывалась и, увы, продолжает основываться тревога, почему основания для нее лишь нарастают с каждым днем.

Прежде всего: когда благонамеренные и прогрессивные дамы (часто мужеского пола) переводят наш спор в такую плоскость — как надо относиться лично к М. С. Горбачеву — я отказываюсь участвовать в человечески очень понятном, чувствительном, но несерьезном разговоре. У нас действительно нет оснований не доверять хорошим намерениям Михаила Сергеевича и подозревать его в «диктаторских» поползновениях. Не больше у нас, впрочем, оснований и «доверять» Горбачеву, вспоминая, например, его выступление 13 октября о печати и либералах. Или речь на заключительном предсъездовском заседании Верховного Совета, где будущий президент назвал все опасения и доводы оппозиции «дешевой демагогией». Но дело вовсе не в достоинствах лидера перестройки и не в его, будем считать так, срывах, а в объективном раскладе сил — в стране и в партийной верхушке. Если в последние месяцы резче обозначилась правоцентристская ориентация горбачевского руководства, то не потому, что характер Михаила Сергеевича вдруг стал портиться, а потому, что кризис СССР углубляется и одновременно реакционеры перестраивают ряды, их нажим становится все более яростным. Стрелка политического барометра отклоняется туда, где сила более определенная,— или, по крайней мере, возникает впечатление, пусть ложное, что именно с этой силой приходится считаться по преимуществу.

Люди, думающие сходно, например, со мной — отнюдь не «враги» Горбачева и не его «сторонники». А. Д. Сахаров сформулировал — в последний раз, за два дня до кончины,— очень сжато и удачно: «условная поддержка Горбачева». То есть поддержка при сохранении совершенно независимого политического мироощущения, не поступаясь радикально-демократическими позициями, хотя и понимая полезность компромиссов, которые **приближали** бы к осуществлению наших идеалов. Поддержка на определенных условиях, всегда конкретное партнерство — или столь же конкретное оппонирование, политическая борьба, хотя бы, увы, и с Михаилом Сергеевичем. Вот о каком тупом догматизме, простите, речь. Вот о каких принципах. И, чтобы покончить с темой о полезности или бесполезности быть верными демократическим принципам, позволю себе напомнить коллегам, печатавшим статьи «в защиту Горбачева» (будто он в их защите остро нуждался) в газетах, где возражения против президентства опубликовать было нельзя,— позволю себе напомнить тем, кто при этом охотно числит себя среди последователей Сахарова... серьезные принципы не выдумываются благодушно, а выковываются по ходу всего исторического опыта реальных демократий, их побед и поражений. Потому-то принципам верны как раз практически устремленные люди. Оппортунизм тоже, конечно, практичен. Только не нужно, во всяком случае, называть его «подлинной оппозицией». Особенно в России. По-моему, это и стыдно, и вредно.

Во-вторых. Что же, мы и впрямь получили «сильного президента»? Я одним из первых порадовался бы за Горбачева и за перестройку. Но (политологически) «сильный» — если не пустословить, ссылаясь, как это часто делали, на США или Францию и т. д.— означает: имеющий независимый (от столь же независимой и потому столь же сильной законодательной власти, судебной власти) политический мандат, непосредственно полученный из рук большинства избирателей. «Сильный» — значит опирающийся на доверие населения, на долгосрочный психологический кредит. Ах, если бы так!

К сожалению, получение президентского поста, обеспечив М. С. Горбачеву гораздо большую свободу маневра внутри партийно-государственных сфер, отнюдь не увеличило доверия народов; но зато демонстративно еще более расширило персональную ответственность. Перед лицом каждого нового исторического вызова Президент вынужден будет — не по свойствам характера, не по своим политическим склонностям, нет, а по принудительным условиям поста и ситуации — делать выбор между уступкой и силой (но силой едва ли не в буквальном смысле). Вновь и вновь доказывать, что у нас «сильная исполнительная власть», не получив для этого дополнительных истинно политических ресурсов, расширенной социальной базы, Горбачеву кое в чем будет легче, но в самом существенном — напротив. Что до того, что якобы власть теперь будет перетекать от КПСС к Президенту, к президентскому и федеративному советам и пр.— то, **если** со временем будут прямые свободные выборы в Верховный Совет, **если** возникнет мощная оппозиция, со своей прессой, телеканалами и пр., **если** аппарат реализации президентских решений не будет иметь никакого отношения к обкомам, райкомам и т. д., **если** М. С. Горбачев перестанет быть воплощением воли КПСС в государственной пирамиде, но превратится в надпартийного высшего арбитра (пусть и оставаясь рядовым членом той партии, которая ему дорога по духу),— короче, в ином, воображаемом, будущем историческом контексте довод насчет «передачи власти от КПСС к Президенту» мог бы заработать. Но пока он не согласуется — о, мои чуткие к реальности оппоненты — с ежедневно поступающей информацией о тех, кто власть почему-то передавать не торопится. Да, как раз поэтому я готов согласиться, что сегодня М. С. Горбачев ни в коем случае не должен расставаться с положением Генсека, но мы (и сам Михаил Сергеевич тоже) платим за это тяжелую цену. Ведь Президент — глава той самой КПСС, отказ которой от «монополии на власть» есть условие существования демократического Президента. Лидер, которым мы по-прежнему дорожим, является Генсеком, занявшим пост Президента; а не наоборот. Это объективная двусмысленность (или однозначность, как угодно). **Сегодня** Горбачеву рано уходить с поста Генсека, становиться советским Ярузельским? А завтра может оказаться — поздно. Вот что трагично.

Невообразимый трагизм нашего нынешнего положения состоит и

в том, что мы сначала решили усилить власть Центра, чтобы... распускать СССР и создавать на его месте свободное содружество народов. Не самый надежный способ попасть к экватору, направившись туда в противоположном направлении, через Ледовитый океан и Северный полюс. И — никак не менее существенно и трагично — экономические рыночные преобразования, которые со дня на день будут, наконец, предложены правительством и которые по своей принципиальной сути, возможно, будут отвечать давнишним требованиям оппозиции, неосуществимы без доверия людей, без терпения людей. Т. е. их не в состоянии осуществить руководство, которое справедливо считает себя преемственным по отношению к давнему и недавнему прошлому: руководство КПСС. Оппозиция же не может попросту «поддержать» то, за осуществление чего не отвечает. За решения, в принятии и проведении которых она не сможет участвовать. За решения, возможно, опять половинчатые, которые все же не затронут большей части ведомственной экономики, не приведут к бурной ее приватизации, к быстрейшему (ср. с Польшей) насыщению потребительского рынка, но зато цены взвинтят и быстро, и бурно. К тому времени, когда эти заметки будут напечатаны, мы уже узнаем, не напрасны ли эти опасения.

Деятели, которые несколько месяцев тому назад поклялись уйти, если их экономическая программа не приведет к успеху до конца 1990 г., теперь говорят, что уходить оснований нет, поскольку они ведь провалились с этой программой гораздо раньше... Ладно, оценим отменную административную шутливость. Дело не в лицах. Дело в том, что любую новую, действительно эффективную программу сможет провести только еще не скомпрометированное, не отвечающее и за недавнее прошлое, новое руководство. Это политическая аксиома. И значит, проводить рыночную реформу и национально-государственное преобразование могла бы попытаться — с величайшим риском и трудом! — только коалиция последовательных сторонников Горбачева и демократов-оппозиционеров, побеждающих аппаратчиков на выборах. Только левоцентристский блок под эгидой Президента.

Какой-то отечественный, особый вариант того, что произошло в Польше? Допустим. После июля такая коалиция теоретически не исключена. Сумеет ли пойти на нее М. С. Горбачев? Однако и в этом варианте не все зависит от поведения Президента. Очень многое, но не все. «Настоящей» (т. е. массовой, организованной, умной, гибкой, зрелой) оппозиции в России пока нет. Ни в стране, ни — в еще большей степени — в парламенте. Так что всерьез блокироваться пока не с кем. И это, может быть, самый трагический элемент сегодняшнего положения вещей.

Вероятность всяких печальных исходов всегда, разумеется, остается, но пугать друг друга этой вероятностью — пустое занятие. Никакой «гражданской войны» не будет, если новые правые увидят перед собой левоцентристский блок, новое правительство, которое поддержали бы 70—80% населения. Приговаривать «лишь бы не было гражданской войны» мало. Надо работать над возможностью поворота Горбачева и центра — влево. Для этого левые должны стать мощной силой уже летом. Достанет ли разумности и ответственности у их лидеров?

15 апреля 1990 года

Александр Орлов

ЩЕРБАТОЕ ЛИЦО СТОЛИЦЫ

Красавица, белокаменная, златоглавая...

Ну никак не приклеиваются сии эпитеты к печальной нашей действительности. Это все равно что по привычке величать красоткой дряхлую старушку.

А вообще, конечно, просто плакать хочется, глядя на эти облезлые фасады и захламленные разнообразнейшей дрянью дворы, на изнуряюще унылые кварталы новостроек, на просторах которых там и сям молча ржавеют забытые трубы, батареи, бетономешалки и ветер с веселым скрипом хлопает дверцей брошенного на произвол судьбы экскаватора...

А ведь хочется, сограждане! Страсть как хочется проснуться однажды утром и обнаружить, что живешь не на свалке!

И ведь знаю, знаю, что не один я в этом городе такой чистоплюй и сибарит, ведь кто-то же пишет аршинными буквищами на мусорных контейнерах чарующее, сладкое слово: ГАРМОНИЯ! Да только вот беда — не очень-то украшают улицу Юности эти больные коррозией контейнеры. Даже с таким криком души на груди своей...

Вообще, конечно, вокруг нас всяческих безобразий — тьма. О них можно написать собрание сочинений, бесконечный эпос или хотя бы краткую энциклопедию. На которую в стране все равно не хватит бумаги. Даже если издать сей титанический труд в единственном экземпляре.

Потому говорить постараюсь о самых заметных безобразиях. О таких безобразиях, которые, как пощечина, не дают спокойно пройти мимо. Постараюсь...

Ну что вы тут мне кричите про ваши незакрывающиеся двери и протекающие потолки? Про это и так без конца пишут, кричат и возмущаются.

А может, у строителя ботинок на правой ноге всю душу измозолил и вымотал. Может, он ему жмет, хотя вроде и по размеру брал.

И вот строитель в таком встрепанном состоянии хромает в этом ботинке на работу и делает нам крышу. Или, может, двери присобачивает. Понятно, что и крыша и двери у него получаются встрепанными и никуда не годными.

И новосел его, естественно, всю жизнь будет матом благодарить. И все это свинство по мере сил переделывать. И каждое утро, взглянув на слезящийся потолок, новосел в раздавленных чувствах будет ходить на свою, к примеру, обувную фабрику и от огорчения будет делать ботинки ну ясно же как — через пень колоду.

В результате чего, скажем, слесарь-сантехник в этих ботинках буквально не сможет доковылять до места аварии, и там зальет к черту и обувщика, и строителя, и еще кого-нибудь невиновного. Хорошо еще, если на журналиста с его бумагами, на которых он бичует халтурщиков-обувщиков и бракоделов-строителей. А если на физика-самородка какого-нибудь в момент вдохновения хлынет бестолковая вода? Может,

он с перепугу великое открытие не сделает? Вот вам и готово технологическое отставание на мировой арене.

Быт, конечно, заедает, со всех сторон нас пинает, бьет и обижает. Это больной мозоль, который всегда болит. И требуются немалые усилия, чтобы порассуждать спокойно о нашей, к примеру, наглядной агитации (о, ненаглядная!), а не закричать, пользуясь случаем, в прессе о том, что у меня в квартире пол проваливается (хорошо, что в подвал) и на кухне подозрительно попахивает газом, несмотря на частые визиты специалиста по дрессировке этой неуправляемой субстанции.

Свободное разгуливание по кухне газа и проседание пола — это, безусловно, тоже безобразия. И довольно опасные. Но хуже всего то, что все наши внутридомашние безобразия неизбежно вылезают наружу и проявляют себя вне дома. Сравнить это явление можно с больным зубом. Снаружи посторонним вроде и не видно, что он где-то там во рту болит. Но ведь иной раз щека так распухнет!.. И тут уж, конечно, все видят, всем как-то вдруг ты начинаешь мешать жить этим своим безобразным флюсом. Можно даже сказать... Или вот... Нет, ну до чего прилипчивая тема! Прямо трясина какая-то! Никак не удается встать на магистральную линию. Какие-то досадные мелочи все время суетятся под пером и норовят влезть в текст. Лопнувшие зимой батареи. Очереди. Дефицит. Сцены в общественном транспорте в часы пик. И все остальные ссадины на полуздоровом организме нашей жизни.

Вот взять хотя бы наглядную агитацию. Про деньги, судя по масштабам, немалые, каковые на эту агитацию ухлопываются, я ничего говорить не стану. Не экономист я, чтобы советовать, куда их лучше приспособить. Я вот все силюсь представить себе: во-первых, кто придумывает эти чудовищные изречения? А во-вторых, кто их исполняет дефицитными красками? «Рожденный Октябрем Аэрофлот!» Вот хоть убейте меня — ну не могу я представить себе того человека, который родил сие откровение. Апокалипсис XX века. Или вот: «Первомайцы! Увеличим производительность труда в этой пятилетке на 18,9%!» Я это к чему? Я это к тому, что начитавшись таких, с позволения сказать, шедевров, прямо так и подмывает заплевать все на свете, невзирая на рядом висящий плакатик — «Не мусорить». Хочется делать наоборот, назло, хочется мусорить, а не повышать производительность, хочется ругаться или шарахнуть кого-нибудь по башке. Желательно авторов, наглядных агитаторов. Чтоб у них нужная кнопка щелкнула, и они перестали бы думать лозунгами и кричать в газетах о том, что в Москве не хватает 28 тысяч дворников. Они ведь этими своими криками распугают тех немногих, кто еще остается дворниками, когда все более-менее умненькие работники метлы уже давно разбежались, побросав метлы, в платные туалеты — зашибать деньгу.

Ведь что интересно: в платных туалетах и на лозунги красивые денег хватает и на приличную зарплату работникам. И самое главное, на чистоту. А у нас что? Грязища — не пролезешь, плакаты высотой до неба, шириной до горизонта, и дворник получает столько, на прокорм домашней крысы не хватает. Вот ведь в чем парадокс!

Хотя, с другой стороны, уже иногда попадаются и приличные плакатики, неформальные такие. К примеру, на автобусной остановке я тут на днях видел потрясающую рукотворную листовку. «Товарищи пассажиры! Долгими годами борьбы мы добились нормальной работы общественного транспорта — по расписанию. Осталось совсем немного — добиться нормального расписания!»

Но это так, мелкое приятное исключение из общего безумия надписей, нас окружающих, а вообще... В столице, по большому счету, живого места не осталось. Даже уж и улица Горького, казалось бы, центр, парадная витрина города, так нет же, куда ни глянь — везде намусорено, набросано разной гадости. «Макдональдс» под боком, интуристы туда-сюда фланируют, но все равно — набросано. Стыдобища, товарищи москвичи.

На витринах какие-то мешковины висят с надписями: «Оформление витрины». По полгода висят. А то и по году. И оформление потом мы видим такое, что в холодный пот бросает. Не покидает ощущение, что просто мешковину вывернули наизнанку (для сокрытия надписи) — и все оформление. Эх, Расея...

А таксисты? Не суйте вы им «Правила пользования легковыми такси в городе Москве». Они на вас так наорут, так гневной слюной забрызгают, что останется только вытереться этими «Правилами». Я вот тоже чего не понимаю — рвачества этого бешеного. Меньше чем за двойной счетчик не повезут. И зачем им эти рубли? Все равно купить нечего.

Вот едет с зеленым огоньком и — мимо. Какие у него дела такие таинственные, что он потенциальных пассажиров в упор не замечает? Чем его голова занята? И как он, этот мыслитель, план ухитряется выполнять? Не за тем ведь он с нас дерет по двойному счетчику, чтобы потом полдня пустым кататься, правильно? Так иной раз и подмывает догнать и всадить ему шило в одно место. В колесо, например. Чтобы он из кабины вылез посмотреть на причину потери скорости и почувствовал, какая холодина на улице, вдоль которой семафорят руками продрогшие люди. Люди, которые опаздывают, которым срочно надо ехать и которые при всем при том не миллионеры, чтобы платить 15 целковых за проезд от Ленинградского до Казанского вокзала. Они еще на скверные дороги жалуются, эти таксисты! Я бы им специально сплошных канав понарыл, честное слово, до того они надоели своим хамством.

Сосульки гражданам головы проламывают. Вопрос отцам города: до коих пор подобное будет происходить? Ответ: а Москве 28 тысяч дворников не хватает. Как ответ, нормальный?

А после дождя что творится? Война в городе начинается, настоящая война! Город нас не любит, и после дождя это особенно сильно заметно. Город с нами воюет — он заливает нас потоками грязи из-под колес черной «Волги» с моссоветовскими номерами. Мы, ясное дело, чертыхаемся, а из «Волги» слышен крик, и вы уже догадываетесь какой, верно? Ну разумеется, про недостачу дворников.

Город нас не любит. А за что, собственно, нас любить? Ведь все это свинство, которое валяется и разлагается на улицах,— дело наших рук. Не инопланетяне же, в конце концов, забрасывают наши улицы мусором!

Тут недавно один знакомый рассказывал, как он побывал в Ижевске. И что его там сильнее всего поразило — чистота. Прямо-таки фантастическая чистота в городе. Он, бедный, и щипал себя до синяков, и булавкой колол — а грязи все равно не прибавлялось, вот досада! Но через несколько дней он как-то пообвыкся, купил однажды пирожок и, бредя по улице, задумался о чем-то своем. И пирожок съел. А бумажку машинально бросил на асфальт. И тут его догоняет сорванец лет десяти и мило так спрашивает:

— Дяденька, это не вы потеряли? — и протягивает ему бумажку эту засаленную.

Дяденька слегка стушевался и грозно ответил:

— Ты что же это, издеваешься надо мной, а? Ты что, не видишь, что это мусор и я его выкинул?

А сорванец нагло так и заявляет:

— Ах, так это мусор! А я подумал, вы что-нибудь нужное обронили случайно... Так вы уж будьте любезны, мусор бросайте куда следует. Пожалуйста.

«Вот так дела!» — подумал московский дяденька и учинил сорванцу небольшой допрос.

И выяснилось, что сорванец этот — не психический, а обыкновенный мальчишка. Просто тимуровское движение у них в городе Ижевске приобрело такие уродливые формы — следить за чистотой.

И, выслушав эту историю, я стал вспоминать, не видел ли я часом среди московских детишек чего-либо подобного? Как я ни напрягался, как ни старался — вспоминались почему-то только дети, лезущие в метро или автобус с мороженым. И как это мороженое капает на рядом стоящих и сидящих граждан. Потом в памяти косяками пошли разнокалиберные по возрасту дети, которые, высунув языки от напряжения, пишут на стенах нехорошие слова. Потом я вспомнил... Да что тут говорить, товарищи, ясно же, что как ни крути — все равно дворников не хватает. И не хватит, при таких-то детях.

Или вот еще картинка из разряда отвратительнейших и вам известных.

Сидят у входа в метро здоровенные мужики и, зевая, продают проездные билеты или цветы. А рядом, в трехстах метрах немолодые женщины с одышкой, в ядовито-оранжевых куртках ломами выворачивают глыбы асфальта и кладут трамвайные рельсы. Зато равноправие — зарплата у них почти одинаковая.

Однако кто же будет разгребать эти смердящие кучи? Кто же будет чистить этот город, по загаженности давно обставивший знаменитые авгиевы конюшни? Там Геракл помог, но где нам взять Геракла сегодня, на исходе XX века? И какую награду ему посулить за приведение столицы в божеский вид?

Однажды, в середине семнадцатого века, парижанам взбрело в голову устроить генеральную уборку своего города. Последствия этого необдуманного шага до того поразили местную академию художеств, что была даже выбита памятная медаль в честь этого события. Но самое главное — парижанам до такой степени понравилась чистота, что уборки стали производиться регулярно. Чистота неожиданно поразила местных жителей своей прелестью. Никто со второго этажа не выливал тебе за шиворот помои, как бывало ранее; платочек любимой, случайно оброненный на мостовую, больше не приходилось стирать в трех щелочах и семи кипятках, как это делалось еще вчера. И вообще, отпала необходимость постоянно таскать в кармане щетку, чтобы поминутно ею чиститься.

Просто люди, родившиеся и выросшие в грязи и ничего, кроме грязи не видевшие, с первого раза оценили чистоту. Стоило только один раз попробовать! Всего только один разочек засучить рукава...

Так, может, попробуем, уважаемые москвичи?

Удармм чистоплюйством и сибаритством по щербатому лицу столицы!

И мы увидим, как это здорово — жить не в грязи.

Лев Троцкий

ЗАВЕЩАНИЕ ЛЕНИНА

Предлагаем вниманию читателей весьма, на наш взгляд, выразительный документ — неизвестную статью Л. Троцкого.

С момента своей высылки за пределы СССР, последовавшей в феврале 1929 года, Троцкий буквально не выпускал из рук пера, продолжая борьбу против выславшего его Сталина. Он издавал журнал, публиковал книги, заваливал прессу статьями, заявлениями, интервью, вел обширную переписку со своими сторонниками во многих странах мира.

Статья «Завещание Ленина», написанная Троцким в декабре 1932 года, не составила исключения из привычного для него жанра партийной полемики. Однако содержание статьи не замкнуто на самом завещании Ленина. «Завещание», о котором Троцкий решил вспомнить спустя десять лет после его написания Лениным, было лишь очередным поводом для продолжения борьбы против Сталина. Поэтому название статьи в известной степени уже ее содержания.

С первого дня борьбы за власть между Троцким и различными группами Политбюро, в которые, однако, всегда входил Сталин, Троцкий апеллировал к Ленину, уже мертвому, но канонизированному всеми соперничающими группами как символ истинного большевизма. Троцкий в этом отношении был честен. У него было не меньше оснований считать себя первым претендентом на ленинское наследство, чем у Сталина.

В последние месяцы своей жизни Ленин действительно «простил» Троцкому его отклонения от ленинизма и откровенно предложил заключить блок против Сталина, с которым у Ленина во время его болезни отношения резко испортились. Но именно в 1923 году, когда на сторону Троцкого стал умирающий Ленин, Сталин ответил на это укреплением своих позиций в партийном аппарате. В конечном счете Троцкий был побежден.

Остаток своей жизни Троцкий доказывал всем и всегда, когда это было возможно, что Сталин — не настоящий ленинец, а настоящий — он, Троцкий. Ему нельзя отказать в правомерности этого заявления, но лишь наполовину: Сталин был последовательным большевиком не в меньшей степени, чем Троцкий. Но они были последовательны по-разному: Троцкий делал упор на революционную догму, Сталин полагался на реальную силу и власть...

Редакция благодарит сотрудника Гуверовского института при Стэнфордском университете Юрия ФЕЛЬШТИНСКОГО, обнаружившего эту статью в Архиве Троцкого (США), за любезное согласие опубликовать ее на страницах «Горизонта».

Школа чистого психологизма

Послевоенная эпоха ввела в широкий оборот психологическую биографию, которую мастера этого рода нередко совершенно вырывают из общества. Основной пружиной истории оказывается абстракция личности. Деятельность «политического животного», как гениально определил человека Аристотель, разлагается на личные страсти и инстинкты.

Слова об абстрактной личности могут показаться абсурдом. Не являются ли на самом деле абстрактными сверхличные силы истории? И что может быть конкретнее живого человека? Однако мы настаиваем на своем. Если очистить личность, хотя бы и самую гениальную, от содержания, которое вносится в нее средой, нацией, эпохой, классом, кругом, семьей, то останется пустой автомат, психофизический ро-

бот, объект естественных, но не социальных и не гуманитарных наук.

Причины ухода от истории и общества надо, как всегда, искать в истории и обществе. Два десятилетия войн, революций и кризисов сильно потрепали суверенную человеческую личность. То, что хочет получить значение на весах современной истории, должно измеряться не менее чем семизначными числами. Обиженная личность ищет реванша. Не зная, как ей справиться с разнуздавшимся обществом, она поворачивается к нему спиною. Неспособная объяснить себя через исторический процесс, она пытается объяснить историю изнутри себя самой. Так индусские философы строили универсальные системы, созерцая собственный пупок.

Влияние Фрейда на новую биографическую школу неоспоримо, но поверхностно. По существу, салонные психологи склоняются к беллетристической безответственности. Они пользуются не столько методом Фрейда, сколько его терминами, и не столько для анализа, сколько для литературного украшения.

В последних своих работах Эмиль Людвиг, наиболее популярный представитель этого жанра, сделал новый шаг по избранному пути: изучение жизни и деятельности героя он заменил диалогом. За ответами политика на поставленные ему вопросы, за его интонациями и гримасами писатель открывает его действительные побуждения. Беседа превращается почти в исповедь.

По технике своей новый подход Людвига к герою напоминает подход Фрейда к пациенту: дело идет о том, чтоб вывести личность на чистую воду при ее собственном содействии. Но при внешнем сходстве, какая разница по существу! Плодотворность работ Фрейда достигается ценою героического разрыва со всякими условностями. Великий психоаналитик беспощаден. За работой он похож на хирурга, почти на мясника с засученными рукавами. Чего-чего, а дипломатичности в его технике нет и на сотую процента. Фрейда меньше всего заботят престиж пациента, соображения хорошего тона, всякая вообще фальшь и мишура. Именно поэтому он может вести свой диалог не иначе, как с глазу на глаз, без секретарей и стенографов, за дверью, обитой войлоком.

Иное дело Людвиг. Он вступает в беседу с Муссолини или со Сталиным, чтобы представить миру аутентичный портрет их души. Но беседа ведется по заранее согласованной программе. Каждое слово стенографируется. Высокопоставленные пациенты достаточно хорошо понимают, что может служить им на пользу, а что во вред. Писатель достаточно опытен, чтобы различать риторические уловки, и достаточно учтив, чтоб не замечать их. Развертывающийся в этих условиях диалог если и похож на исповедь, то на такую, которая инсценируется для звукового фильма.

Эмиль Людвиг пользуется каждым поводом, чтобы заявить: «Я ничего не понимаю в политике». Это должно означать: я стою выше политики. На самом деле это лишь форма профессионального нейтралитета или, если сделать позаимствованье у Фрейда, та внутренняя цензура, которая облегчает психологу ее политическую функцию. Так дипломаты не вмешиваются во внутреннюю жизнь страны, пред правительством которой они аккредитованы, что, впрочем, не мешает им при случае поддерживать заговоры и финансировать террористические акты.

Один и тот же человек в разных условиях развивает разные стороны своей личности. Сколько Аристотелей пасут свиней и сколько свинопасов носят на голове корону! Между тем Людвиг даже противоречия между большевизмом и фашизмом без труда растворяет в индивидуальной психологии. Столь тенденциозный «нейтралитет» не проходит безнаказанно и для самого проницательного психолога. Порвав с социальной обусловленностью человеческого сознанья, он вступает в царство субъективного произвола. «Душа» не имеет трех измерений и потому не способна на сопротивление, которое свойственно всем другим материалам. Писатель теряет вкус к изучению фактов и документов. К чему серые достоверности, когда их можно заменить яркими догадками?

В работе о Сталине, как и в книге о Муссолини, Людвиг остается «вне политики». Это нисколько не мешает его работам являться орудием политики. Чьей? В одном случае — Муссолини, в другом — Сталина и его группы. Природа не терпит пустоты. Если Людвиг не занимается политикой, то это не значит, что политика не занимается Людвигом.

В момент выхода моей Автобиографии [1], около трех лет тому назад,

[1] *Троцкий Л.* Моя жизнь: Опыт автобиографии. Т. 1—2. Берлин: Гранит, 1930.— *Ю. Ф.*

официальный советский историк Покровский [1], ныне уже покойный, писал: необходимо немедленно ответить на эту книгу, засадить за работу молодых ученых, опровергнуть все, что подлежит опровержению и проч. Но поразительное дело: никто, решительно никто, не ответил, ничто не было ни разобрано, ни опровергнуто. Нечего было опровергать и некому, оказалось, написать книгу, для которой нашлись бы читатели.

За невозможностью нанести лобовой удар пришлось прибегнуть к фланговому. Людвиг, конечно, не историк сталинской школы. Он независимый психологический портретист. Но именно через чуждого политике писателя удобнее всего бывает иногда пустить в оборот идеи, для которых не остается иного подкрепления, кроме популярного имени. Мы сейчас увидим, как это выглядит на деле.

«Шесть слов»

Ссылаясь на свидетельство Карла Радека, Эмиль Людвиг передает, с его слов, следующий эпизод: «После смерти Ленина сидели мы, 19 человек из ЦК, вместе, с напряжением ожидая, что нам скажет из своего гроба вождь, которого мы лишились. Вдова Ленина передала нам его письмо. Сталин оглашал его. Во время оглашения никто не пошевелился. Когда дело дошло до Троцкого, там значилось: «его небольшевистское прошлое не случайность». На этом месте Троцкий прервал чтение и спросил: «Как там сказано?» Предложение было повторено. Это были единственные слова, которые прозвучали в этот торжественный час».

Уже в качестве аналитика, а не повествователя Людвиг делает замечание от себя: «Страшный момент, когда сердце Троцкого должно было остановиться: эта фраза из шести слов решила, в сущности, его жизнь». Как просто, оказывается, найти ключ к историческим загадкам! Патетические строки Людвига раскрыли бы, вероятно, мне самому тайну моей судьбы, если бы... Если бы рассказ Радека — Людвига не был ложен с начала до конца: в мелком и в крупном, в безразличном и значительном.

Начать с того, что Завещание было написано Лениным не за два года до его смерти, как утверждает наш автор, а за год: оно датировано 4 января 1923 года, Ленин умер 21 января 1924 года; политическая жизнь его окончательно оборвалась уже в марте 1923 года. Людвиг утверждает, будто Завещание никогда не было опубликовано полностью. На самом деле оно воспроизводилось десятки раз на всех языках мировой печати. Первое официальное оглашение Завещания в Кремле происходило не в заседании ЦК, как пишет Людвиг, а в Совете старейшин XIII партийного съезда 22 мая 1924 года. Оглашал Завещание не Сталин, а Каменев, в качестве неизменного в то время председателя центральных партийных учреждений. И наконец, самое главное: я не прерывал чтения взволнованным восклицанием за отсутствием к этому какого бы то ни было повода: тех слов, которые Людвиг записал под диктовку Радека, в тексте Завещания нет: они представляют чистейший вымысел. Как ни трудно этому поверить, но это так!

Если бы Людвиг не относился слишком пренебрежительно к фак-

[1] Михаил Николаевич Покровский (17 (29) августа 1868—10 апреля 1932) — советский историк, с 1929 г.— академик.— *Ю. Ф.*

тическому фундаменту для своих психологических узоров, он без труда мог бы достать точный текст Завещания, установить необходимые факты и даты и тем избежать плачевных ошибок, которыми, к сожалению, кишит его работа о Кремле и большевиках.

Так называемое Завещание написано в два приема, отделенных промежутком в десять дней: 25 декабря 1922 года и 4 января 1923 года. О документе знали первоначально только два лица: стенографистка, М. Володичева, которая его записывала под диктовку, и жена Ленина Н. Крупская. Пока оставалась тень надежды на выздоровление Ленина, Крупская оставляла документ под замком. После смерти Ленина она, незадолго до XIII съезда, передала Завещание в Секретариат ЦК, с тем чтоб оно через партийный съезд было доведено до сведения партии, для которой предназначалось.

К этому времени партийный аппарат был полуофициально в руках тройки (Зиновьев, Каменев, Сталин), фактически же в руках Сталина. Тройка решительно высказалась против оглашения Завещания на съезде: мотивы понять нетрудно. Крупская настаивала на своем. В этой стадии спор происходил за кулисами. Вопрос был перенесен на собрание старейшин съезда, т. е. руководителей провинциальных делегаций. Здесь о Завещании впервые узнали оппозиционные члены Центрального Комитета, в том числе и я. После того как было постановлено, чтобы никто не делал записей, Каменев приступил к оглашению текста. Настроение аудитории действительно было в высшей степени напряженным. Но, насколько можно восстановить картину по памяти, я сказал бы, что несравненно больше волновались те, которым содержание документа уже было известно. Тройка внесла через одного из подставных лиц предложение, заранее согласованное с провинциальными главарями: документ будет оглашен по отдельным делегациям, в закрытых заседаниях, никто не смеет при этом делать записи: на пленуме съезда на Завещание нельзя ссылаться. Со свойственной ей мягкой настойчивостью Крупская доказывала, что это есть прямое нарушение воли Ленина, которому нельзя отказать в праве довести свой последний совет до сведения партии. Но связанные фракционной дисциплиной члены Совета старейшин оставались непреклонны: подавляющим большинством прошло предложение тройки.

Чтоб пояснить смысл тех мистических и мифических «шести слов», которые будто бы решили мою судьбу, нужно напомнить некоторые предшествовавшие и сопутствовавшие обстоятельства. Уже в период острых споров по поводу октябрьского переворота «старые большевики», из числа правых, не раз указывали с раздражением на то, что Троцкий-де раньше не был большевиком; Ленин всегда давал таким голосам отпор. Троцкий давно понял, что объединение с меньшевиками невозможно, говорил он, например, 14 ноября 1917 года, «и с тех пор не было лучшего большевика»[1]. В устах Ленина эти слова кое-что означали.

Два года спустя, объясняя в письме к иностранным коммунистам условия развития большевизма, былые разногласия и расколы, Ленин указывал на то, что «в решительный момент, в момент завоевания

[1] Ленин сказал это 1 (14) ноября 1917 г. на заседании Петроградского комитета большевиков. Подробнее см.: *Троцкий Л.* Сталинская школа фальсификации: Поправки и дополнения к литературе эпигонов. Берлин: Гранит, 1932. С. 119. Протокол этого заседания опубликован также в журнале «Бюллетень оппозиции», издаваемом под ред. Л. Д. Троцкого с момента высылки Троцкого из СССР (см.: Бюллетень оппозиции. 1929. Ноябрь — декабрь. № 7. С. 31—37). Рукопись хранится в архиве Троцкого.— *Ю. Ф.*

власти и создания Советской Республики, большевизм оказался единым, он привлек к себе все лучшее из близких ему течений социалистической мысли...» Более близкого к большевизму течения, чем то, которое я представлял до 1917 года, не существовало ни в России, ни на Западе. Объединение мое с Лениным было предопределено логикой идей и логикой событий. В решительный момент большевизм привлек в свои ряды «все лучшее из близких ему течений» — такова оценка Ленина. У меня нет оснований против нее возражать.

Во время двухмесячной дискуссии по вопросу о профессиональных союзах (зима 1920/21 г.) Сталин и Зиновьев опять пытались пустить в ход ссылку на небольшевистское прошлое Троцкого. В ответ на это менее сдержанные ораторы противного лагеря напоминали Зиновьеву его поведение в период октябрьского переворота. Обдумывая в своей постели со всех сторон, как сложатся в партии отношения без него, Ленин не мог не предвидеть, что Сталин и Зиновьев попытаются использовать мое небольшевистское прошлое для мобилизации старых большевиков против меня. Завещание пытается предупредить попутно и эту опасность. Вот что там говорится непосредственно вслед за характеристикой Сталина и Троцкого: «Я не буду дальше характеризовать других членов ЦК по их личным качествам. Напомню лишь, что октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не являлся случайностью, но что он так же мало может быть ставим им в вину лично, как небольшевизм Троцкому».

Указание на то, что октябрьский эпизод «не являлся случайностью», преследует совершенно определенную цель предупредить партию, что в критических условиях Зиновьев и Каменев могут снова обнаружить недостаток выдержки. Это предостережение не стоит, однако, ни в какой связи с упоминанием о Троцком: по отношению к нему рекомендуется лишь не пользоваться его небольшевистским прошлым, как доводом. У меня не было, следовательно, никакого повода задавать вопрос, который приписывает мне Радек. Заодно отпадает и догадка Людвига об «остановившемся сердце». Завещание меньше всего ставило себе задачей затруднить мне руководящую работу в партии. Оно, как увидим далее, преследовало прямо противоположную цель.

«Взаимоотношения Сталина и Троцкого»

Центральное место Завещания, занимающего две написанных на машинке страницы, отведено характеристике взаимоотношений Сталина и Троцкого, «двух выдающихся вождей современного ЦК». Отметив «выдающиеся способности» Троцкого («самый способный человек в настоящем ЦК»), Ленин тут же указывает его отрицательные черты: «чрезмерная самоуверенность» и «чрезмерное увлечение чисто административной стороной дела». Как ни серьезны указанные недостатки сами по себе, они не имеют — замечу мимоходом — никакого отношения к «недооценке крестьянства», ни к «неверию во внутренние силы революции», ни к другим, эпигонским измышлениям позднейших годов.

С другой стороны, Ленин пишет: «Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью». Речь идет здесь не о политическом влиянии Сталина, которое в тот период было совсем незначительно, а об административной власти, которую он сосредоточил в своих руках, «сделавшись генсеком». Это очень точная и строго взвешенная формула: мы еще вернемся к ней.

Завещание настаивает на увеличении членов ЦК до 50, даже до 100 человек, дабы своим компактным давлением они могли сдерживать центробежные тен-

денции в Политбюро. Организационное предложение имеет пока еще видимость нейтральной гарантии против личных конфликтов. Но уже через 10 дней оно кажется Ленину недостаточным, и он приписывает дополнительное предложение, которое и придает всему документу его окончательную физиономию: «...я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях[1] отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д.»

В дни, когда диктовалось Завещание, Ленин стремился еще давать своей критической оценке Сталина как можно более сдержанное выражение. В ближайшие недели его тон будет становиться все резче, вплоть до того последнего часа, когда его голос оборвется навсегда. Но и в Завещании сказано достаточно, чтоб мотивировать необходимость смены генеральногоо секретаря. Наряду с грубостью и капризностью Сталину вменяется в вину недостаток лояльности. В этом пункте характеристика превращается в тяжелое обвинение.

Как ясно станет из дальнейшего, Завещание не могло явиться для Сталина неожиданностью. Но это не смягчало удара. После первого ознакомления с документом, в Секретариате, в кругу ближайших сотрудников Сталин разрешился фразой, которая давала совершенно неприкрытое выражение его действительным чувствам по отношению к автору Завещания. Условия, при которых фраза проникла в более широкие круги, и, главное, неподдельный характер самой реакции, являются, в моих глазах, безусловной гарантией достоверности всего эпизода. К сожалению, крылатая фраза не подлежит оглашению в печати.

Заключительное предложение Завещания недвусмысленно показывает, откуда, по Ленину, шла опасность. Сместить Сталина — именно его и только его — значило оторвать его от аппарата, отнять у него возможность нажимать на длинное плечо рычага, лишить его всей той власти, которую он сосредоточил в своих руках по должности.

Кого же назначить генеральным секретарем? Лицо, которое, имея положительные черты Сталина, было бы, однако, более терпимым, более лояльным, менее капризным. Именно эту фразу Сталин воспринял особенно остро: Ленин явно не считал его незаменимым, раз предлагал поискать более подходящее лицо на тот же пост. Подавая, для формы, в отставку, генеральный секретарь капризно повторял: «Что ж, я действительно груб... Ильич предлагает вам найти другого, который отличался бы от меня только большей вежливостью. Что ж, попробуйте найти».— «Ничего,— отвечал с места голос одного из тогдашних друзей Сталина,— нас грубостью не испугаешь, вся наша партия грубая, пролетарская». Косвенно здесь Ленину приписывалось салонное понимание вежливости. Об обвинении в недостатке лояльности ни Сталин, ни его друзья не упоминали. Не лишено, пожалуй, интереса, что голос поддержки исходил от А. П. Смирнова, тогдашнего народного комиссара земледелия, состоящего ныне под опалой, в качестве правого. Политика не знает благодарности.

Рядом со мною во время оглашения Завещания сидел Радек, тогда еще член ЦК. Легко поддающийся влиянию момента, лишенный внутренней дисциплины, сразу зажженный Завещанием, Радек нагнулся ко мне со словами: «Теперь они не посмеют пойти против вас». Я ответил ему: «Наоборот, теперь им придется идти до конца и притом как можно скорее». Уже ближайшие дни XIII съезда показали, что моя оценка была более трезвой. Тройке необходимо было предупредить возможное действие Завещания, поставив партию как можно скорее перед совершившимся фактом. Уже оглашение документа по земляческим делегациям, куда не пускали «посторонних», превращено было в прямую

[1] Не забудем, что Завещание продиктовано и не выправлено, отсюда местами стилистические несообразности текста; но мысль совершенно ясна.— *Л. Т.*

борьбу против меня. Старейшины делегаций проглатывали при чтении одни слова, напирали на другие и давали комментарии в том смысле, что письмо написано тяжело больным, под влиянием происков и интриг. Аппарат уже господствовал безраздельно. Один тот факт, что тройка могла решиться попрать волю Ленина, отказав в оглашении письма на съезде, достаточно характеризует состав съезда и его атмосферу. Завещание не приостановило и не смягчило внутреннюю борьбу, наоборот, придало ей катастрофические темпы.

Отношение Ленина к Сталину

Политика настойчива: она умеет заставить служить себе и тех, которые демонстративно поворачиваются к ней спиною. Людвиг пишет: «Сталин страстно следовал за Лениным до его смерти». Если бы эта фраза выражала лишь факт огромного влияния Ленина на его учеников, включая и Сталина, возражать не было бы основания. Но Людвиг хочет сказать нечто большее. Он хочет отметить исключительную близость к учителю именно данного ученика. В качестве особенно ценного свидетельства Людвиг приводит при этом слова самого Сталина: «Я только ученик Ленина, и моя цель быть достойным его учеником». Плохо, если профессиональный психолог некритически оперирует с банальной фразой, условная скромность которой не заключает в себе ни атома интимного содержания. Людвиг становится здесь просто проводником официальной легенды, созданной за самые последние годы. Вряд ли он при этом хоть в отдаленной степени представляет себе те противоречия, в которые его заводит безразличие к фактам. Если Сталин действительно «следовал за Лениным до его смерти», чем объяснить в таком случае, что последним документом, продиктованным Лениным накануне второго удара, было коротенькое письмо Сталину, всего из нескольких строк, о прекращении с ним всяких личных и товарищеских отношений? Единственный в своем роде случай в жизни Ленина — резкий разрыв с одним из близких сотрудников — должен был иметь очень серьезные психологические причины и являлся бы, по меньшей мере, непонятным в отношении ученика, который «страстно» следовал за учителем до конца. Однако от Людвига мы об этом не слышим ни слова.

Когда письмо Ленина о разрыве со Сталиным стало широко известно на верхах партии, уже после распада тройки, Сталин и его ближайшие друзья не нашли другого выхода кроме все той же версии о невменяемом состоянии Ленина. На самом деле Завещание, как и письмо о разрыве, писалось в те месяцы (декабрь 1922 — начало марта 1923), в течение которых Ленин, в ряде программных статей, дал партии наиболее зрелые плоды своей мысли. Разрыв со Сталиным не упал с ясного неба: он вытекал из долгого ряда предшествующих конфликтов принципиального и практического характера, и он трагически освещает всю остроту этих конфликтов.

Ленин, несомненно, высоко ценил известные черты Сталина. Твердость характера, цепкость, упорство, даже беспощадность и хитрость — качества, необходимые в войне, следовательно, и в ее штабе. Но Ленин вовсе не считал, что эти данные, хотя бы и в исключительном масштабе, достаточны для руководства партией и государством. Ленин видел в Сталине революционера, но не политика большого стиля. Значение теории для политической борьбы стояло в глазах Ленина слишком высоко. А Сталина никто не считал теоретиком, и сам он до 1924 г. не изъявлял никогда претензий на это звание. Наоборот, его слабая теоретическая подготовка была слишком известна в тесном кругу. Сталин не знаком с Западом, не знает ни одного иностранного языка. При обсуждении проблем мирового рабочего движения он никогда не привлекался. Сталин не был, наконец,— это менее важно, но не лишено все же значения,— ни писателем, ни

оратором в собственном смысле слова. Статьи его, несмотря на всю осторожность автора, кишат не только теоретическими несообразностями и наивностями, но и грубыми погрешностями против русского языка. Ценность Сталина в глазах Ленина почти исчерпывалась областью партийного администрирования и аппаратного маневрирования. Но и здесь Ленин вносил существенные оговорки, чрезвычайно возросшие в последний период.

К идеалистическому морализированию Ленин относился с брезгливостью. Но это совсем не мешало ему быть ригористом революционной морали, т. е. тех правил поведения, которые он считал необходимыми для успеха революции и построения нового общества. В ригоризме Ленина, естественно и свободно вытекавшем из его натуры, не было и капли педантства, ханжества или чопорности. Он слишком хорошо понимал людей и брал их такими, как они есть. Недостатки одних он сочетал с достоинствами, иногда и с недостатками других, не переставая зорко следить за тем, что из этого выходит. Он хорошо знал к тому же, что времена меняются и мы вместе с ними. Партия из подполья одним взмахом поднялась на вершину власти. Это создавало для каждого из старых революционеров небывало резкую перемену в личном положении и во взаимоотношениях с другими людьми. То, что Ленин открыл у Сталина в этих новых условиях, он осторожно, но внятно отметил в Завещании: недостаток лояльности и склонность злоупотреблять властью. Людвиг прошел мимо этих намеков. Между тем именно в них нужно видеть ключ к отношениям между Лениным и Сталиным в последний период.

Ленин был не только теоретиком и практиком революционной диктатуры, но и зорким стражем ее нравственных основ. Каждый намек на использование власти в личных видах вызывал грозные огоньки в его глазах. «Чем же это лучше буржуазного парламентаризма?» — спрашивал он, чтоб ярче выразить душившее его возмущение, и прибавлял нередко по адресу парламентаризма одно из своих сочных определений. Между тем Сталин чем дальше, тем шире и тем неразборчивее пользовался заложенными в революционной диктатуре возможностями для вербовки лично ему обязанных и преданных людей. В качестве генерального секретаря он стал раздатчиком милостей и благ. Здесь заложен был источник неизбежного конфликта. Ленин постепенно утратил к Сталину нравственное доверие. Если понять этот основной факт, то все частные эпизоды последнего периода расположатся как следует и дадут действительную, а не фальшивую картину отношений Ленина к Сталину.

Свердлов и Сталин, как типы организатора

Чтоб найти для Завещания надлежащее место в развитии партии, необходимо сделать отступление.

До весны 1919 года главным организатором партии был Свердлов. Он не носил звания генерального секретаря, которое в то время вообще еще не было изобретено. Но он был им на деле. Свердлов умер 34 лет, в марте 1919 года, от так называемой испанской болезни. В разгаре гражданской войны и эпидемий, косивших направо и налево, партия едва успела отдать себе отчет во всей тяжести понесенной ею потери. В двух траурных речах Ленин дал Свердлову оценку, которая бросает отраженный, но очень яркий свет также и на его позднейшее отношение к Сталину. «В ходе нашей революции, в ее победах,— говорил Ленин,— довелось Свердлову выразить полнее и цельнее, чем кому бы то ни было, самую сущность пролетарской революции». Свердлов был «прежде всего и больше всего организатором». Из скромного подпольного работника, не теоретика и не писателя, вырос в короткий срок «организатор, который завоевал абсолютно непререкаемый авторитет, организатор всей Советской власти в России и единственный по своим знаниям организатор работы партии». Ленину были чужды преувеличения юбилейных или заупокойных похвал. Оценка Свердлова была в то же время характеристикой задач организатора: «Только благодаря тому, что у нас был такой организатор, как Свердлов, мы могли в обстановке войны работать так, что у нас не было ни одного конфликта, который заслуживал бы внимания».

Так оно и было на деле. В беседах того времени с Лениным мы не раз отмечали, с постоянно свежим чувством удовлетворения, что одно из главных условий нашего успеха — единство и сплоченность правящей группы. Несмотря на страшный напор событий и трудностей, новизну вопросов и вспыхивавшие моментами острые практические разногласия, работа шла замечательно гладко, дружно, без перебоев. Короткими намеками мы вспоминали эпизоды старых революций. «Нет, у нас лучше». «Это одно обеспечит нам победу». Сплоченность центра была подготовлена всей историей большевизма и поддерживалась неоспоримым авторитетом руководства, и прежде всего Ленина. Но во внутренней механике этого беспримерного единодушия главным монтером был Свердлов. Секрет его был прост — руководствоваться интересами дела, и только ими. Никто из работников партии не опасался интриги, ползущей из партийного штаба. Основу свердловского авторитета составляла лояльность.

Из мысленной проверки всей партийной верхушки Ленин делал в своей надгробной речи практический вывод: «Такого человека нам не заменить никогда, если под заменой понимать возможность найти одного товарища, совмещающего в себе такие способности... Та работа, которую он делал один, теперь будет под силу лишь целым группам людей, которые, идя по его стопам, будут продолжать его дело». И эти слова были не риторикой, а строго деловым предложением. Так именно и поступили: вместо единоличного секретаря установили коллегию из трех лиц.

Из слов Ленина и для непосвященного в историю партии очевидно, что при жизни Свердлова Сталин не играл руководящей роли в аппарате партии, ни во время Октябрьской революции, ни в период возведения фундамента и стен Советского государства. В первый секретариат, заменивший Свердлова, Сталин также не был включен.

Когда на X съезде, через два года после смерти Свердлова, Зиновьев и другие, не без задней мысли о борьбе против меня, проводили кандидатуру Сталина в генеральные секретари, т. е. ставили его юридически на то место, которое Свердлов занимал фактически, Ленин в тесном кругу восставал против этого плана, выражая опасение, что «этот повар будет готовить только острые блюда». Одна эта фраза, сопоставленная с характеристикой Свердлова, показывает нам различие двух типов организатора: одного, который неутомимо смягчал трения, облегчая работу коллегии, и другого, специалиста острых блюд, не боявшегося приправлять их и прямой отравой. Если Ленин не довел в марте 1921 года своего сопротивления до конца, т. е. не апеллировал открыто к съезду против кандидатуры Сталина, то лишь потому, что пост секретаря, хотя бы и «генерального», имел в тогдашних условиях, при сосредоточении влияния и власти в руках Политбюро, строго подчиненное значение. Может быть, впрочем, Ленин, как и некоторые другие, недооценил своевременно опасности.

Болезнь Ленина

В конце 1921 года здоровье Ленина резко надломилось. 7 декабря, выезжая, по настоянию врачей, в деревню, Ленин, мало склонный жаловаться, писал членам Политбюро: «Уезжаю сегодня. Несмотря на уменьшение мною порции работы и увеличение порции отдыха за последние дни, бессонница чертовски усилилась. Боюсь, не смогу докладывать ни на партконференции, ни на Съезде Советов»[1]. Пять месяцев он томится, наполовину отстраненный врачами и друзьями от работы, в постоянной тревоге за ход правительственных и партийных дел, в постоянной борьбе с подтачивающим его недугом. В мае его поражает первый удар. В течение двух месяцев Ленин не способен ни говорить, ни писать, ни двигаться. С июля он медленно поправляется. Не покидая деревни, он постепенно втягивается в деловую переписку. В октябре возвращается в Кремль и официально возобновляет работу.

«Нет худа без добра,— писал он для себя, в конспекте будущей речи,— я засиделся и полгода смотрел «со стороны». Ленин хочет сказать: я раньше слишком засиделся на своем посту и многого не замечал; длительный перерыв позволит мне теперь на многое взглянуть свежими глазами. Больше всего потряс его, несомненно, чудовищный рост бюрократического могущества, средоточием которого стало Организационное Бюро ЦК.

[1] Это, как и многие другие письма, цитируемые в настоящей статье, воспроизводится на основании документов моего архива.— *Л. Т.*

Необходимость смены мастера, специализировавшегося на острых блюдах, встает перед Лениным сразу после его возвращения к работе. Но этот персональный вопрос успел значительно осложниться. Ленин не мог не видеть, как широко его отсутствие было использовано Сталиным для одностороннего подбора людей, нередко в прямом противоречии с интересами дела. Генеральный секретарь опирался теперь на многочисленную фракцию, связанную, если не всегда идейными, то, во всяком случае, прочными узами. Обновление верхушки аппарата стало уже невозможно без подготовки серьезного политического наступления. К этому периоду относится «заговорщическая» беседа Ленина со мной о совместной борьбе против советского и партийного бюрократизма и его предложение «блока» с ним против Организационного Бюро, т. е. основной в то время крепости Сталина. Факт беседы и содержание ее нашли вскоре свое отражение в документах и составляют неоспоримый и никем не оспоренный эпизод истории партии.

Однако уже через несколько недель в состоянии здоровья Ленина наступило новое ухудшение. Не только постоянная работа, но и деловые беседы с товарищами были ему врачами снова запрещены. Он обдумывал дальнейшие меры борьбы один, в четырех стенах. Для контроля над закулисной деятельностью секретариата Ленин разрабатывал общие меры организационного характера. Так возник план создания высокоавторитетного партийного центра в лице Контрольной комиссии из надежных и испытанных членов партии, иерархически совершенно независимых, т. е. не чиновников, не администраторов, и в то же время наделенных правами призывать к ответу всех без исключения чиновников не только партии, в том числе и членов ЦК, но, через посредство рабоче-крестьянской инспекции, и «сановников» государства — за нарушение законности партийного и советского демократизма и правил революционной морали.

23 января Ленин переслал через Крупскую для напечатания в «Правде» статью на тему о проектируемой им реорганизации центральных учреждений. Опасаясь одновременно и предательского удара со стороны болезни, и не менее предательского сопротивления секретариата, Ленин требовал, чтоб статья была напечатана в «Правде» немедленно: это означало прямую апелляцию к партии. Сталин отказал в этом Крупской, сославшись на необходимость обсудить вопрос в Политбюро. Формально дело шло об отсрочке всего на день. Но самая процедура обращения к Политбюро не предвещала ничего доброго. По поручению Ленина, Крупская обратилась за содействием ко мне. Я потребовал немедленного созыва Политбюро. Опасения Ленина подтвердились полностью: все члены и кандидаты, присутствовавшие в заседании, Сталин, Молотов, Куйбышев, Рыков, Калинин, Бухарин, были не только против предложенной Лениным реформы, но и против напечатания его статьи. Для утешения больного, которому каждое острое волнение грозило катастрофой, Куйбышев, будущий глава Центральной контрольной комиссии, предложил напечатать особый номер «Правды» со статьей Ленина в одном экземпляре. Так «страстно» следовали эти люди за учителем! Я с возмущением отверг предложение мистифицировать Ленина, высказался за предложенную им реформу по существу и потребовал немедленного напечатания статьи. Меня поддержал явившийся с запозданием на час Каменев. Настроение большинства было, в конце концов, сломлено тем доводом, что Ленин все равно пустит статью в обращение, ее будут переписывать на машинках и читать с удвоенным вниманием, и она тем острее направится против Политбюро. Статья появилась в «Правде» на другое утро, 25 января. И этот эпизод нашел в свое время отражение в официальных документах, на основании которых он здесь и излагается.

Считаю нужным вообще подчеркнуть, что, так как я не принадлежу к школе чистого психологизма и так как твердо установленным фактам я привык доверять больше, чем их эмоциональным отражениям в памяти, то все изложение, за вычетом особо оговоренных эпизодов, ведется мною на основании документов моего архива, тщательной проверки дат, свидетельств и всех вообще фактических обстоятельств.

Разногласия между Лениным и Сталиным

Организационная политика была не единственной ареной борьбы Ленина против Сталина. Ноябрьский пленум ЦК (1922), заседавший без Ленина и без меня, внес неожиданно радикальные изменения в систему внешней торговли, подрывавшие самую основу государственной монополии. В беседе с Красиным, тогдашним наркомом внешней торговли, я отзывался о постановлении ЦК примерно так: «Дна в бочке они еще не высадили, но несколько дыр в нем просверлили». Ленин узнал об этом. 13 декабря он писал мне: «Я бы очень просил Вас взять на себя на предстоящем пленуме защиту нашей общей точки зрения о безусловной необходимости сохранения и укрепления монополии... Предыдущий пленум принял в этом отношении решение, идущее целиком вразрез с монополией внешней торговли». Не допуская в этом вопросе никаких уступок, Ленин настаивал на том, чтоб я апеллировал против ЦК к партии и съезду. Удар направлялся в первую голову против Сталина, как генерального секретаря, ответственного за поставку вопросов на пленумах Центрального Комитета. До открытой борьбы на этот раз, однако, дело не дошло: почуяв опасность, Сталин отступил без боя: с ним вместе и другие. На декабрьском пленуме ноябрьские решения были отменены. «Как будто удалось взять позиции без единого выстрела,— писал мне шутливо Ленин 21 декабря,— простым маневренным движением».

Гораздо острее оказались разногласия в области национальной политики. Осенью 1922 года подготовлялось преобразование Советского государства в федеративный союз национальных республик. Ленин считал необходимым идти как можно дальше навстречу потребностям и притязаниям тех национальностей, которые долго жили под гнетом и далеко еще не оправились от его последствий. Наоборот, Сталин, руководивший подготовительной работой в качестве народного комиссара по делам национальностей, проводил и в этой области политику бюрократического централизма. Выздоравливающий Ленин из подмосковной деревни полемизировал со Сталиным в письмах, адресованных Политбюро. В своих первых замечаниях на сталинский проект федеративного объединения Ленин крайне мягок и сдержан. Он еще надеется в эти дни — конец сентября 1922 года — уладить вопрос через Политбюро, без открытого конфликта. Ответы Сталина, наоборот, проникнуты заметным раздражением. Он возвращает Ленину упрек в «торопливости» и присоединяет к нему обвинение в «национальном либерализме», т. е. в покровительстве окраинному национализму. Эта переписка, политически крайне интересная, до сих пор скрывается от партии.

Бюрократическая национальная политика успела тем временем вызвать в Грузии резкую оппозицию, объединившую против Сталина и его правой руки, Орджоникидзе, цвет грузинского большевизма. Через Крупскую Ленин вступил с вождями грузинской оппозиции (Мдивани, Махарадзе и др.) в негласную связь против фракции Сталина, Орджоникидзе и Дзержинского. Борьба на окраинах была слишком остра, и Сталин слишком связал себя с определенными группировками, чтобы молча отступить, как в вопросе о монополии внешней торговли. В течение ближайших недель Ленин окончательно убеждается, что придется апеллировать к партии. В конце декабря он диктует обширное письмо по национальному вопросу, которое должно будет заменить на съезде его речь, если болезнь помешает ему выступить.

Ленин выдвигает против Сталина обвинение в административном увлечении и озлоблении против мнимого национализма. «Озлобление,— пишет он многозначительно,— вообще играет в политике обычно самую худую роль». Борьбу против справедливых, хотя бы на первых порах даже преувеличенных требований угнетавшихся ранее наций Ленин квалифицирует как проявление великорусского бюрократизма. Он впервые называет своих противников по имени. «Политически ответственными за всю эту поистине великорусско-националистическую кампанию следует сделать, конечно, Сталина и Дзержинского». Что великоросс Ленин обвиняет грузина Джугашвили и поляка Дзержинского в великорусском национализме, может показаться парадоксальным. Но дело идет здесь совсем не о национальных чувствах и пристрастиях, а о двух системах политики, различия которых обнаруживаются во всех областях, в том числе и в национальной. Осуждая беспощадно методы сталинской фракции, Раковский писал несколько лет спустя: «К национальному вопросу, как и ко всяким другим вопросам, бюрократия подходит с точки зрения удобства управления и регулирования». Лучше этого нельзя сказать.

Словесные уступки Сталина нисколько не успокаивали Ленина, наоборот, обостряли его подозрительность. «Сталин пойдет на гнилой компромисс,— предостерегал меня Ленин через своих секретарей,— а потом обманет». Именно таков был путь Сталина. Он готов был принять на ближайшем съезде любую теоретическую формулу национальной политики, под условием, чтоб это не ослабляло его фракционной опоры в центре и на окраинах. Правда, у Сталина было достаточно оснований опасаться, что Ленин видит его планы насквозь. Но, с другой стороны, положение больного продолжало ухудшаться. Сталин холодно включал этот немаловажный фактор в свои расчеты. Практическая политика генерального секретариата становилась тем решительнее, чем хуже становилось здоровье Ленина. Сталин пытался изолировать опасного контролера от всякой информации, которая могла бы дать ему орудие против секретариата и его союзников. Политика блокады направлялась, естественно, против лиц, наиболее близких Ленину. Крупская делала что могла, чтоб оградить больного от соприкосновения с враждебными махинациями секретариата.

Но Ленин умел по случайным симптомам догадываться о целом. Он отдавал себе безошибочный отчет в действиях Сталина, его мотивах и расчетах. Нетрудно понять, какую реакцию они вызывали в его сознании. Напомним, что к этому моменту в письменном столе Ленина кроме Завещания, настаивавшего на смещении Сталина, лежали уже документы по национальному вопросу, которые секретарями Ленина, Фотиевой и Гляссер, чутко отражавшими настроения того, с кем сотрудничали, назывались «бомбой против Сталина».

Полугодие обостряющейся борьбы

Свою мысль о роли ЦК, как охранительницы партийного права и единства, Ленин развивал в связи с вопросом о реорганизации Рабоче-крестьянской инспекции (Рабкрин), во главе которой в течение нескольких предшествующих лет стоял Сталин. 4 марта в «Правде» появилась знаменитая в истории партии статья «Лучше меньше, да лучше». Работа писалась в несколько приемов. Ленин не любил и не умел диктовать. Статья долго не давалась ему. 2 марта он прослушал наконец чтение статьи с удовлетворением: «Теперь, кажется, вышло...» Реформу руководящих партийных учреждений статья включала в широкую политическую перспективу, национальную и международную. На этой стороне дела мы здесь останавливаться, однако, не можем. Зато в высшей степени важна для нашей темы та гласная оценка, которую Ленин давал Рабоче-крестьянской инспекции: «Будем говорить прямо. Наркомат Рабкрина не пользуется сейчас ни тенью авторитета. Все знают о том, что хуже поставленных учреждений, чем учреждения нашего Рабкрина, нет, и что при современных условиях с этого наркомата нечего и спрашивать».

Этот необыкновенный по резкости отзыв главы правительства в печати об одном из важных государственных учреждений бил прямо и

непосредственно по Сталину как организатору и руководителю инспекции. Причины, надо надеяться, теперь ясны. Инспекция должна была служить главным образом для противодействия бюрократическим извращениям революционной диктатуры. Эта ответственная функция могла выполняться с успехом только при условии полной лояльности руководства. Но именно лояльности Сталину не хватало. Инспекцию, как и партийный секретариат, он превратил в орудие аппаратных происков, покровительства «своим» и преследования противников. В статье «Лучше меньше, да лучше» Ленин открыто указывает на то, что предлагаемая им реформа инспекции, во главе которой был незадолго перед тем поставлен Цюрупа, должна встретить противодействие «всей нашей бюрократии, как советской, так и партийной». «В скобках будь сказано,— прибавляет он многозначительно,— бюрократия у нас бывает не только в советских учреждениях, но и в партийных». Это был вполне намеренный удар по Сталину как генеральному секретарю.

Не будет, таким образом, преувеличением сказать, что последнее полугодие политической жизни Ленина, между выздоровлением и вторым заболеванием, заполнено все обостряющейся борьбой против Сталина. Напомним еще раз главные даты. В сентябре Ленин открывает огонь против национальной политики Сталина. В первой половине декабря выступает против Сталина по вопросу о монополии внешней торговли. 25 декабря пишет первую часть Завещания. 30—31 декабря — свое письмо по национальному вопросу («бомбу»). 4 января делает приписку к Завещанию о необходимости снять Сталина с поста генерального секретаря. 23 января выдвигает против Сталина тяжелую батарею: проект Контрольной комиссии. В статье 2 марта наносит двойной удар Сталину как организатору Инспекции и генеральному секретарю. 5 марта пишет мне по поводу своего меморандума по национальному вопросу: «Если б вы согласились взять на себя его защиту, то я мог бы быть спокойным». В тот же день он впервые открыто солидаризуется с непримиримыми грузинскими противниками Сталина, извещая их особой запиской о том, что он «всей душой» следит за их делом и готовит для них документы против Сталина — Орджоникидзе — Дзержинского. «Всей душой» — это выражение не часто встречается у Ленина.

«Вопрос этот (национальный) чрезвычайно его волновал,— свидетельствует секретарь Ленина, Фотиева,— и он готовился выступить по нему на партсъезде». Но за месяц до съезда Ленин окончательно свалился, так и не успев сделать распоряжения насчет статьи. У Сталина гора свалилась с плеч. В сеньорен-конвенте XII съезда он решился уже говорить, в свойственном ему стиле, о письме Ленина как о документе больного человека, находящегося под влиянием «бабья» (т. е. Крупской и двух секретарей). Под предлогом необходимости выяснить действительную волю Ленина решено было письмо сохранить под спудом. Там пребывает оно до сего дня.

Перечисленные выше драматические эпизоды, как ни ярки они сами по себе, и в отдаленной степени не передают той страстности, с которою Ленин переживал партийные события в последние месяцы своей активной жизни: в письмах и статьях он накладывал на себя обычную, т. е. очень строгую цензуру. Природу своей болезни Ленин достаточно хорошо знал по опыту первого удара. После того как он вернулся к работе, в октябре 1922 года, капиллярные сосуды мозга не переставали напоминать ему о себе чуть заметными, но зловещими и все более частыми толчками, явно угрожая рецидивом. Ленин трезво оценивал собственное положение, несмотря на успокоительные заверения врачей. К началу марта, когда ему пришлось снова отстраниться от работы, по крайней мере, от заседаний, свиданий и телефонных переговоров, он унес в свою комнату больного ряд тягостных наблюдений и опасений. Бюрократический аппарат стал самостоятельным фактором большой политики, с тайным фракционным штабом Сталина в Секретариате ЦК. В национальной области, где Ленин требовал особой чуткости, все откровеннее выступали наружу клыки имперского централизма. Идеи и принципы революции подгибались под интересы закулисных комбинаций. Авторитет диктатуры все чаще служил прикрытием для чиновничьего командования.

Ленин остро ощущал приближение политического кризиса и боялся, что аппарат задушит партию. Политика Сталина стала для Ленина в последний период его жизни воплощением поднимающего голову бюрократизма. Больной должен был не раз содрогаться от мысли, что не успеет уже провести ту реформу аппарата, о которой он перед вторым заболеванием вел переговоры со мною. Страшная опасность угрожала, казалось ему, делу всей его жизни.

А Сталин? Зайдя слишком далеко, чтоб отступить; подталкиваемый собственной фракцией; страшась того концентрического наступления, нити которого сходились у постели грозного противника, Сталин шел уже почти напролом, открыто вербовал сторонников раздачей партийных и советских постов, терроризовал тех, которые прибегали к Ленину через Крупскую, и все настойчивее пускал слух о том, что Ленин уже не отвечает за свои действия. Такова та атмосфера, из которой выросло письмо Ленина о полном разрыве со Сталиным. Нет, оно не упало с безоблачного неба. Оно означало лишь, что чаша терпения переполнилась. Не только хронологически, но политически и морально оно подвело заключительную черту под отношениями Ленина к Сталину.

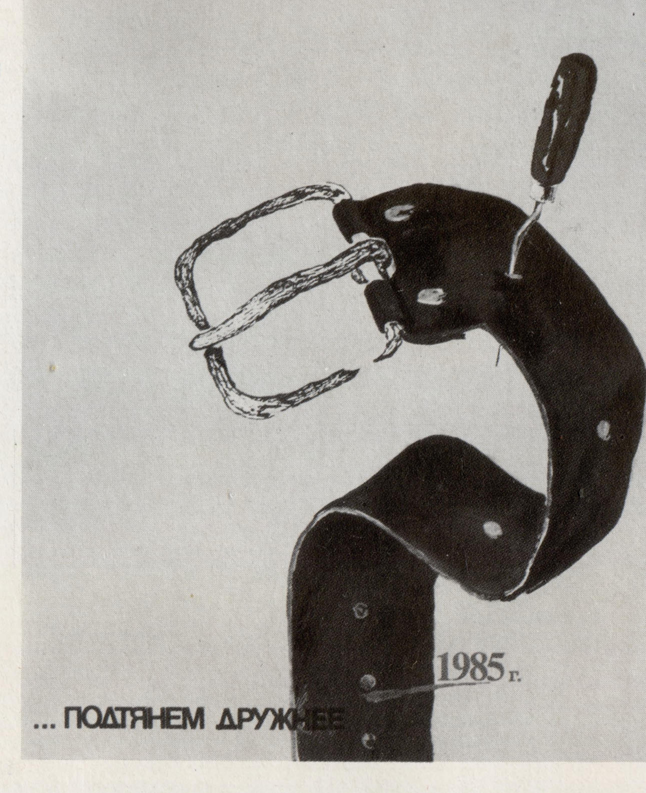
Удивляться ли тому, что Людвиг, благочестиво повторяющий официальную версию о верности ученика учителю «до самой его смерти», ни словом не упоминает об этом финальном письме, как, впрочем, и обо всех других обстоятельствах, которые не мирятся с нынешней кремлевской легендой? О факте письма Людвиг, во всяком случае, должен был знать хотя бы из моей Автобиографии, с которой он в свое время ознакомился, ибо дал об ней благожелательный отзыв. Может быть, Людвиг сомневался в достоверности моего показания? Но ни факт письма, ни его содержание никогда и никем не оспаривались. Более того, они удостоверены в стенографических протоколах ЦК. На июльском Пленуме 1926 года Зиновьев говорил: «В начале 1923 года Владимир Ильич в личном письме к т. Сталину рвал с ним товарищеские отношения» (Стенографический отчет Пленума. Вып. 4. С. 32). И другие ораторы, в том числе М. И. Ульянова, сестра Ленина, говорили о письме как о факте общеизвестном в кругу ЦК. В те дни Сталину не могло даже прийти в голову оспаривать эти показания. Он не покушался на это, впрочем, насколько я знаю, в прямой форме и позже.

Правда, официальная историография сделала за последние годы поистине грандиозные усилия, чтоб вытравить из людской памяти всю эту главу истории в целом. В отношении комсомола эти усилия достигли известных результатов. Но исследователи, казалось бы, для того и существуют, чтоб разрушать легенды и восстанавливать действительность в ее правах. Или это не относится к психологам?

Гипотеза «дуумвирата»

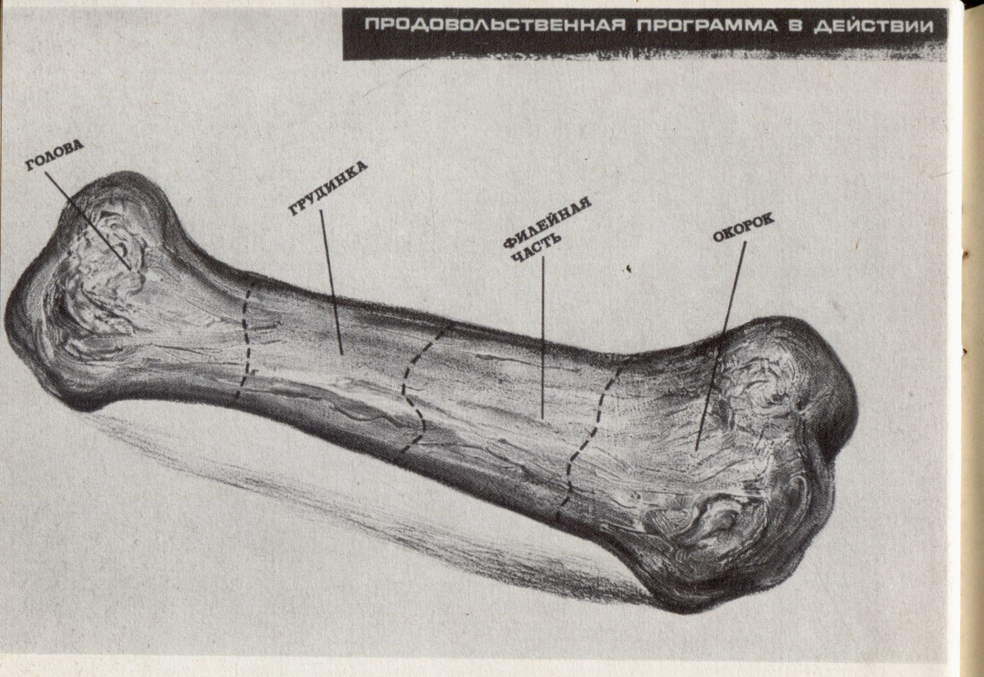
Выше намечены вехи последней борьбы между Лениным и Сталиным. На всех ее этапах Ленин искал моей поддержки и находил ее. Из речей, статей и писем Ленина можно было бы без труда привести десятки свидетельств того, что после нашего кратковременного расхождения по вопросу о профсоюзах, он в течение 1921, 22 и начала 23 годов не упускал ни одного случая, чтоб в открытой форме не подчеркнуть своей солидарности со мной, не процитировать того или другого моего заявления, не одобрить того или другого моего шага. Надо думать, у него были для этого не личные, а политические мотивы. Что, однако, могло тревожить и огорчать его в самые последние месяцы, это моя недостаточно активная поддержка его военных действий против Сталина. Да, таков парадокс положения! Ленин, боявшийся в дальнейшем раскола партии по линиям Сталина и Троцкого, для данного момента требовал от меня более энергичной борьбы против Сталина.

В. Родионов.
…ПОДТЯНЕМ ДРУЖНЕЕ



А. Танель.
ДОГОНИМ И ПЕРЕГОНИМ





Г. Бельтюков.
ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПРОГРАММА В ДЕЙСТВИИ

А. Танель.
О, СКОЛЬКО НАМ ОТКРЫТИЙ ЧУДНЫХ...



Противоречие тут, однако, лишь внешнее. Именно в интересах устойчивости партийного руководства в будущем Ленин хотел теперь резко осудить Сталина и разоружить его. Меня же сдерживало опасение того, что всякий острый конфликт в правящей группе в то время, как Ленин боролся со смертью, мог быть понят партией, как метание жребия из-за ленинских риз. Я совсем не касаюсь здесь вопроса о том, правильна ли была в этом случае моя сдержанность, как и более широкого вопроса о том, можно ли было в то время предотвратить надвигающиеся опасности организационными реформами и личными перестановками. Но как далеко все же действительное расположение действующих лиц от той картины, которую дает нам популярный немецкий писатель, слишком легко подбирающий ключи ко всем загадкам!

Мы слышали от него, что Завещание «решило судьбу Троцкого», т. е. послужило, очевидно, причиной того, что Троцкий утратил власть. По другой версии Людвига, которую он излагает рядом, даже не пытаясь примирить ее с первой, Ленин хотел «дуумвират Троцкий — Сталин». Эта последняя мысль, также несомненно внушенная Радеком, как нельзя лучше свидетельствует, к слову сказать, что даже теперь, даже в ближайшем окружении Сталина, даже при тенденциозной обработке приглашенного для диалогов иностранного писателя, никто не отваживается утверждать, будто Ленин видел в Сталине своего преемника. Чтоб не вступать в слишком уже грубое противоречие с текстом Завещания и ряда других документов, приходится выдвигать задним числом идею дуумвирата.

Но как примирить эту новую версию с советом Ленина: сменить генерального секретаря? Ведь это означало бы лишить Сталина всех орудий его влияния. Так не поступают с кандидатом в дуумвиры. Нет, и вторая гипотеза Радека — Людвига, более осторожная, не находит опоры в тексте Завещания. Цель документа определена его автором: обеспечить устойчивость ЦК. Путей к этому Ленин искал не в искусственной комбинации дуумвирата, а в усилении коллективного контроля над деятельностью вождей. Как он представлял себе при этом относительное влияние отдельных лиц в коллективном руководстве, об этом читателю предоставляется делать те или иные выводы на основании приведенных выше цитат из Завещания. Не следует только упускать при этом из виду, что Завещание не было последним словом Ленина и что отношение его к Сталину становилось тем суровее, чем больше он чувствовал приближение развязки.

Людвиг не сделал бы столь капитальной ошибки в оценке смысла и духа Завещания, если б поинтересовался его дальнейшей судьбой. Скрытое Сталиным и его группой от партии, Завещание перепечатывалось и переиздавалось только оппозиционерами, разумеется, тайно. Сотни моих друзей и сторонников были арестованы и сосланы за переписку и распространение этих двух страничек. 7 ноября 1927 года, в день десятилетия Октябрьской революции, московские оппозиционеры участвовали в юбилейной демонстрации с плакатами «Выполним Завещание Ленина». Специальные отряды сталинцев врывались в колонны демонстрирующих и вырывали преступный плакат. Два года спустя, к моменту моей высылки за границу, создана была даже версия о подготовлявшемся «троцкистами» 7 ноября 1927 года восстании: призыв «выполнить Завещание Ленина» истолковывался сталинской фракцией как призыв к перевороту! И сейчас Завещание состоит под запретом всех секций Коминтерна. Наоборот, левая оппозиция во всех странах перепечатывает Завещание по каждому подходящему поводу. Политически эти факты исчерпывают вопрос.

Радек как первоисточник

Откуда же взялся все-таки фантастический рассказ о том, будто при оглашении Завещания, точнее, «шести слов», которых в Завещании нет, я вскочил с места с вопросом: «Как там сказано?» На этот счет я могу предположить только гипотетическое объяснение. Насколько оно вероподобно, пусть судит читатель.

Радек принадлежит к числу профессиональных остряков и рассказчиков анекдотов. Этим я не хочу сказать, что у него нет других достоинств. Но достаточно того, что на VII съезде партии 8 марта 1918 года Ленин, вообще очень сдержанный в отзывах о людях, счел возможным сказать: «Я вернусь к товарищу Радеку, и здесь я хочу отметить, что ему удалось нечаянно сказать серьезную фразу...» И дальше опять: «На этот раз вышло так, что у Радека получилась совершенно серьезная фраза...» Люди, которые говорят серьезно лишь в виде исключения, имеют органическую склонность поправлять действительность, ибо в сыром виде она не всегда пригодна для анекдотов. Мой личный опыт научил меня относиться к свидетельским показаниям Радека с крайней осторожностью; обычно он не рассказывает о событиях, а излагает по поводу них остроумный фельетон. Так как всякое искусство, в том числе и анекдотическое, стремится к синтезу, то Радек склонен соединять воедино разные факты или яркие черты разных эпизодов, хотя бы и разделенных временем и пространством. Здесь нет злой воли. Это голос призванья.

Так, очевидно, случилось и на этот раз. Радек скомбинировал, по всем признакам, заседание Совета старейшин XIII съезда с заседанием Пленума ЦК 1926 года, несмотря на то что между тем и другим промежуток больше двух лет. На Пленуме тоже оглашались секретные рукописи, в том числе и Завещание. Читал их на этот раз действительно Сталин, а не Каменев, который сидел уже рядом со мной на скамье оппозиции. Оглашение вызвано было тем, что по партии уже довольно широко ходили в то время копии Завещания, национального письма Ленина и других документов, державшихся под тройным замком. Партийный аппарат нервничал, желая удостовериться, что на самом деле сказал Ленин. «Оппозиция знает, а мы не знаем». После длительного сопротивления Сталин увидел себя вынужденным огласить запретные документы на заседании ЦК: этим самым они попадали в стенограмму, которая печаталась в секретных тетрадях для верхов партийного аппарата.

При оглашении завещания не было и на этот раз никаких возгласов, ибо членам ЦК документ был уже давно и слишком хорошо известен. Но я действительно прервал Сталина при оглашении переписки по национальному вопросу. Эпизод сам по себе не так уж значителен, но, может быть, он пригодится психологам для кое-каких выводов.

Ленин был крайне экономен в своих литературных средствах и приемах. Деловую переписку с ближайшими сотрудниками он вел телеграфным языком. В обращении стояла всегда фамилия адресата со значком «т» (товарищ), в подписи — Ленин. Сложные пояснения заменялись двойным или тройным подчеркиванием отдельных слов, лишним восклицательным знаком и пр. Все мы слишком хорошо знали особенности ленинской манеры, и потому даже небольшое отступление от обычного лаконизма обращало на себя внимание.

При пересылке своего письма по национальному вопросу Ленин писал мне 5 марта: «Уважаемый тов. Троцкий. Я просил бы Вас очень взять на себя защиту грузинского дела на ЦК партии. Дело это сейчас находится под «преследованием» Сталина и Дзержинского, и я не могу положиться на их беспристрастие. Даже совсем напротив. Если бы Вы согласились взять на себя его защиту, то я мог бы быть спокойным.

Если Вы почему-нибудь не согласитесь, то верните мне все дело. Я буду считать это признаком Вашего несогласия. С наилучшим товарищеским приветом. Ленин. 5 марта 23 г.»

И содержание, и тон этой небольшой записки, продиктованной в последний день политической жизни Ленина, были для Сталина не менее тяжки, чем Завещание. Недостаток «беспристрастия» — ведь это означало недостаток все той же лояльности. В записке меньше всего чувствовалось доверие к Сталину — «даже совсем напротив» — и подчеркивалось доверие ко мне. Подтверждение негласного союза между Лениным и мною против Сталина и его фракции было налицо. Сталин плохо владел собою, оглашая записку. Подойдя к подписи, он запнулся. «С наилучшим товарищеским приветом» — это было слишком демонстративно под пером Ленина. Сталин прочитал: «с коммунистическим приветом». Это звучало суше и официальнее. В этот момент я действительно приподнялся с места и спросил: «Как там написано?» Сталин оказался вынужден, не без смущения, прочитать подлинный ленинский текст. Кое-кто из его ближайших друзей кричал мне, что я придираюсь к мелочам, хотя я ограничился лишь проверочным вопросом. Маленький инцидент произвел впечатление. О нем говорили на верхах партии. Радек, который уже не был к этому времени членом ЦК, узнал о происходившем на Пленуме из чужих уст, может быть, и из моих. Пять лет спустя, когда он был уже со Сталиным, а не со мною, его гибкая память помогла ему, очевидно, скомбинировать синтетический эпизод, натолкнувший Людвига на столь эффектные и столь ошибочные выводы.

Легенда о «троцкизме»

Хотя Ленин, как мы видели, и не нашел основания указывать в Завещании, что мое небольшевистское прошлое было «не случайно», но я готов принять эту формулу на свой собственный счет. В мире духовном закон причинности столь же непреклонен, как и в мире физическом. В этом общем смысле моя политическая орбита была, конечно, «не случайной». Но то обстоятельство, что я стал большевиком, тоже не случайно. Вопрос же о том, насколько прочно и серьезно я пришел к большевизму, не решается ни голой хронологической справкой, ни догадками фельетонного психологизма: нужен теоретический и политический анализ. Это, конечно, слишком большая тема, лежащая целиком вне рамок настоящего очерка. Для нашей цели достаточно того, что Ленин, называя поведение Зиновьева и Каменева в 1917 году «не случайным», делал не философское напоминание о законах детерминизма, а политическое предостережение на будущее. Но как раз поэтому Радеку и понадобилось, через Людвига, перенести предостережение с Зиновьева и Каменева на меня.

Напомним главные вехи вопроса. С 1917 по 1924 г. о противопоставлении троцкизма ленинизму вообще не было речи. На этот период падают октябрьский переворот, гражданская война, строительство Советского государства, создание Красной Армии, выработка партийной программы, учреждение Коммунистического Интернационала, образование его кадров, составление его основных документов. После отхода Ленина от работы в основном ядре ЦК развиваются серьезные разногласия. В 1924 году призрак «троцкизма» — после тщательной закулисной подготовки — выпускается на сцену. Вся внутренняя борьба в партии ведется отныне в рамках противопоставления троцкизма ленинизму.

Другими словами, порожденные новыми условиями и задачами разногласия между мною и эпигонами изображаются как продолжение старых моих разногласий с Лениным. На эту тему создана необъятная литература. Ее застрельщиками являлись неизменно Зиновьев и Каменев. В качестве старых и наиболее близких сотрудников Ленина они становятся во главе «старой большевистской гвардии» против троцкизма. Но под давлением глубоких социальных процессов сама эта группа раскалывается. Зиновьев и Каменев оказываются вынуждены признать, что так называемые «троцкисты» в коренных вопросах оказались правы. Новые тысячи старых большевиков примыкают к «троцкизму».

На июльском Пленуме 1926 года Зиновьев заявил, что его борьба против меня была самой большой ошибкой его жизни, «более опасной, чем ошибка 1917 года». Орджоникидзе не без основания крикнул ему со своей скамьи: «Что же вы морочили голову всей партии?» (См. уже цитированный стенографический отчет.) На эту тяжеловесную реплику Зиновьев официального ответа не нашел. Но неофициальное объяснение он дал на совещании оппозиции в октябре 1926 года. «Ведь надо же понять то, что было,— говорил он при мне своим ближайшим друзьям, ленинградским рабочим, честно уверовавшим в легенду о троцкизме,— была борьба за власть. Все искусство состояло в том, чтобы связать старые разногласия с новыми вопросами. Для этого и был выдвинут троцкизм...»

За время своего двухлетнего пребывания в оппозиции Зиновьев и Каменев успели полностью раскрыть закулисную механику предшествующего периода, когда они, вместе со Сталиным, создавали легенду троцкизма заговорщическим путем. Еще через год, когда окончательно выяснилось, что оппозиции придется долго и упорно плыть против течения, Зиновьев и Каменев сдались на милость победителя. В качестве первого условия их партийной реабилитации от них потребовали реабилитации легенды о троцкизме. Они пошли на это. Тогда я решил закрепить их собственные вчерашние заявления на этот счет через ряд авторитетных свидетельств. Радек, никто другой, как Карл Радек, дал нижеследующее письменное показание: «Присутствовал при разговоре с Каменевым о том, что Каменев расскажет на Пленуме ЦК, как они (т. е. Каменев и Зиновьев), совместно со Сталиным, решили использовать старые разногласия Троцкого с Лениным, чтобы не допустить после смерти Ленина т. Троцкого к руководству партией. Кроме того, много раз слышал из уст Зиновьева и Каменева о том, как они «изобретали» троцкизм как актуальный лозунг. 25 декабря 1927 г. К. Радек».

Аналогичные письменные показания даны Преображенским, Пятаковым, Раковским и Эльциным. Пятаков, заместитель народного комиссара тяжелой промышленности, следующими словами резюмировал заявление Зиновьева: «Троцкизм был выдуман для того, чтобы подменить действительные разногласия мнимыми, то есть разногласиями, взятыми из прошлого, не имеющими никакого значения теперь, но искусственно гальванизированными в вышеуказанных целях». Кажется, ясно? «Никто,— писал, в свою очередь, В. Эльцин, представитель более молодого поколения,— никто из присутствующих при этом зиновьевцев не возражал. Все приняли это сообщение Зиновьева как факт общеизвестный».

Приведенное выше свидетельство Радека помечено им 25 декабря 1927 г. Через несколько недель он был уже в ссылке, а через несколько месяцев, под меридианом Томска, убедился в правоте Сталина, не раскрывшейся ему ранее в Москве. Но и от Радека власти потребовали в качестве условия признания реальности все той же легенды о троцкизме. После того как Радек пошел на это, ему не осталось ничего иного, как повторять старые формулы Зиновьева, которые последний разоблачил в 1926 году, чтобы вернуться к ним снова в 1928 г. Радек сделал больше: в беседе с доверчивым иностранцем он переделал Завещание Ленина так, чтобы найти в нем опору для эпигонской легенды о троцкизме.

Из этой краткой исторической справки, опирающейся исключительно на документальные данные, вытекает много выводов; один из них гласит: революция — суровый процесс, и она не щадит человеческих позвоночников.

* * *

Ход дальнейших событий в Кремле и в Союзе определялся не отдельным документом, хотя бы то было и Завещание Ленина, а историческими причинами гораздо более глубокого порядка. Политическая реакция после величайшего напряжения лет переворота и гражданской войны была неизбежна. Понятие реакции надо было в этой связи строго отличать от понятия контрреволюции. Реакция не предполагает непременного социального переворота, т. е. смены у власти одного класса другим. Даже при царизме были свои периоды прогрессивных реформ и периоды реакции. Настроения и ориентировки господствующего класса меняются в зависимости от обстоятельств. Это относится и к рабочему классу. Давление мелкой буржуазии на уставший от потрясений пролетариат означало оживление мелкобуржуазных тенденций в самом пролетариате, а вместе с тем и первую глубокую реакцию, на волне которой поднялся к власти нынешний бюрократический аппарат, возглавленный Сталиным.

Те свойства, которые Ленин ценил в Сталине — упорство характера и хитрость,— оставались, конечно, и сейчас; но они получили иное поле действия и иную точку приложения. Те черты, которые в прошлом означали минусы в личности Сталина: узость кругозора, недостаток творческой фантазии, эмпиризм — приобрели сейчас в высшей степени актуальное значение: они позволили Сталину стать полусознательным орудием советской бюрократии, и они побудили бюрократию увидеть в Сталине своего призванного вождя. Десятилетняя борьба на верхах большевистской партии с несомненностью показала, что в условиях нового этапа революции Сталин до конца развивал те именно стороны своего политического характера, которым Ленин в последний период своей жизни объявил непримиримую борьбу. Но этот вопрос, стоящий и сегодня в фокусе советской политики, выводит нас далеко за пределы нашей исторической темы.

Со времени рассказанных событий много воды утекло. Если уже десять лет тому назад в действии были факторы, гораздо более могущественные, чем советы Ленина, то сейчас и вовсе наивно было апеллировать к Завещанию как к актуальному политическому аргументу. Интернациональная борьба между двумя группировками, выросшими из большевизма, давно переросла судьбу отдельных лиц. Ленинское письмо, известное под именем Завещания, сохраняет ныне главным образом исторический интерес. Но история, смеем думать, тоже имеет свои права, которые к тому же не всегда вступают в конфликт с интересами политики. Элементарнейшие из научных требований: правильно устанавливать факты и проверять слухи по документам можно, во всяком случае, одинаково рекомендовать как политикам, так и историкам. Его следовало бы распространить даже на психологов.

Принкипо, 31 декабря 1932 г.

Сергей Юрьенен

ЗИМНИЙ ДВОРЕЦ

Когда Августа уходит в школу, мама берет с ее тарелки недоеденную макаронину и кладет на пол, у дырки в стене. Плинтусов в нашей комнате нет, их сожгли в Блокаду.

Мы влезаем на наш матрас, стоящий на кирпичах, забиваемся в угол и замираем обнявшись. Мы смотрим на дырку. Ждем, когда из нее вынырнет мышонок Тим — длиннохвостый, с умными бусинками красных глаз. Не одни мы его дожидаемся: из коридора о нашу дверь урча ласкается бабушкин сибирский кот Кузьма Второй (Первого в Блокаду у бабушки похитила и съела соседка по лестничной клетке, старуха Благонравова). Дверь надежно заперта на задвижку, но мышонок все равно не приходит. Чует Кузьму.

— Ладно,— говорит мама.— Белье развесить надо, а я лежу тут с тобой, как принцесса!

Она встает.

— Хочу с тобой! — говорю я.

— После того, что ты натворил? Лежи уж...

Она надевает на шею ожерелье из деревянных прищепок и уходит на чердак. На чердаке я уже был — лучше не вспоминать. Был и в подвале. Мама взяла меня, когда пошла за дровами. Подвал был сырой, со страшными тенями, и там я потерялся. На свет моего огарка сошлись крысы, которым было так голодно, что, пища, толкаясь и кусая друг дружку, они стали грызть бабушкины войлочные валенки. Эти валенки мне были по одно место, и они не сгибались, когда я передвигал ноги. Поэтому я не передвигал, а стоял, дожидаясь, когда меня найдут, и смотрел на крыс. Огарок оплывал на кулак. Я отлеплял горячие прозрачные лепешки и бросал их крысам, которые, отвлекаясь от валенок, бросались на стеарин, как голуби на крошки. Мне их стало жалко так, что я задул огарок и бросил его весь. Потом меня ругали. Сказали, что крысы вместе с валенками могли съесть и меня. Тогда еще я маленький был — не понимал.

К стене над матрасом прицеплен репродуктор. Черная бумага натянута на проволочный каркас так туго, что кое-где прорвалась. Я осторожно встаю, беру вилочку и втыкаю в дырки. Помолчав, репродуктор говорит:

— Мы передавали беседу товарища Сталина с корреспондентом газеты «Правда». А теперь послушайте китайскую народную музыку в исполнении оркестра Пекинского радио.

Под китайскую музыку я слезаю с матраса. Подбираю запылившуюся макаронину, кладу обратно в тарелку. Подтаскиваю стул к окну и влезаю на подоконник.

Сергей Юрьенен (1939) — прозаик, критик. В 1977 году издательство «Советский писатель» выпустило его первую книгу рассказов «По пути к дому». В том же году выехал на Запад, сейчас живет в Мюнхене, публикуется во многих изданиях русского Зарубежья. Рассказ «Зимний дворец» был напечатан в первом номере журнала «Стрелец» за 1984 год, «Гарнизон у западных границ» — в шестом номере того же журнала за 1985 год.

В окне двойные рамы. Между ними внизу слой грязной ваты, а сверху, зацепленная за форточку, свисает пустая авоська. Я расплющиваюсь о холод стекла.

Прямо напротив — одна стена, скучная, а налево — другая, повеселей, потому что к окну на этой стене подвешен фанерный ящик-ледник. Снег на крышке ледника истоптан голубями и воробьями — туда им бабушка из кухни бросает крошки. Направо тоже есть стена, но доходит она только до третьего этажа, а с нашего седьмого в эту щель открывается хоть и узкий, но дальний-дальний вид — на белое дно неведомого дворика. Там чернеет дерево, которое весной зеленеет. В том дворике я никогда не бывал. С какой улицы туда можно попасть, через какую подворотню, какими проходными дворами — неизвестно. Никто этого не знает. Поэтому и снег там такой нетоптаный. Я мечтаю там побывать. Когда-нибудь.

Открывается дверь, и мама говорит:

— Слезь с окна: простудишься!

В последний раз я взглядываю на дворик в раме обмороженного по краям стекла — и отлипаю.

— Мама,— вспоминаю я,— когда же мы пойдем в Зимний дворец?

— Пойдем,— обещает она снова.

— Когда?

— А хоть бы и сегодня!..

Я спрыгиваю на пол.

— Сейчас?

— Вечером,— говорит мама.— А сейчас мы с тобой пойдем за сахаром стоять. На Загородном выбросили и дают — представляешь? — по полкило в руки.

О Зимнем дворце я знаю все, мне дедушка рассказывал. Прежде дворец принадлежал династии Романовых — императорам Российским. Сейчас принадлежит народу, который, надев поверх обуви огромные войлочные тапки, неуклюже скользит по зеркалу паркета, догоняя экскурсовода — строгую тетю в темно-зеленом кителе.

Я вырываюсь от мамы и, как на каток, въезжаю в Большой тронный зал. Снизу опрокинуто сверкают хрустальные люстры, и красота этого зала — белого, багрового, золотого — слепит глаза. Перед барьером группа останавливается, а я, увлекшись, проезжаю под барьер. Мама извлекает меня обратно.

— Смотри!

Со стены на меня тысячами сверкающих глаз взирает сказочная страна. Тетя в кителе поднимает указку.

— На месте императорского трона мы с вами видим карту нашей великой Родины — Союза Советских Социалистических Республик. Эта уникальная карта установлена тут в 1937 году. Ее площадь — 27 квадратных метров. Более 45 000 уральских самоцветов понадобилось, чтобы воссоздать лицо бескрайней нашей Родины. Дивными звездами горят наши города, их более 450. Но взгляд наш невольно притягивает самая крупная звезда. Это столица нашей Родины...

— Ленинград!

— Чей это мальчик?

— Мой,— берет меня за руку мама.

— И ты не знаешь, как называется столица твоей Родины? — Тетя укоризненно смотрит сверху.— Это прежде Ленинград был столицей, и тогда он назывался сначала Санкт-Петербург, а потом Петроград.

Свершилась Великая Октябрьская революция. По указанию Ленина столицу перенесли в Москву. А после смерти Ленина, по просьбе нашего народа, Петрограду присвоили имя Ленинград. В твоем возрасте, мальчик, такие вещи уже надо бы знать. Чтобы не попадать перед всеми впросак.

Ко мне наклонилась мама.

— Не стыдно? Я же сто раз тебе объясняла! Где живет дедушка Сталин?

— В Москве...

— Видите? — Мама выпрямляется.— Он знает.

— Молодец! Ты любишь свою Родину, мальчик?

Я запрокидываю голову. Родина — вся — в золотой раме. Над рамой — герб. Такой же, как на монетах. Земной шар в колосьях и под звездой. Вокруг герба — красные флаги. Украдкой мама щиплет меня.

— Язык проглотил? Отвечай!

— Люблю...

— Вопросы по залу будут, товарищи? — отстает тетя.— Площадь 800 квадратных метров. Колонны, их 48 ровно, можете не считать, из итальянского мрамора. Люстр 26, лампочек полторы тысячи. Да, а в орнаменте использовано более 18 000 деталей из позолоченной бронзы. Еще вопросы?

— А где же трон?

Мама запоздало делает мне больно. Все смотрят на меня, потом на тетю в кителе.

— Перемещен в Малый тронный. В ходе экскурсии мы его увидим. Всему свое время, товарищи. Прошу следовать за мной!

Галерея Отечественной войны 1812 года. Со стен взирают горделиво 332 генерала во главе с Александром Первым.

Гербовый зал — победа генералиссимуса Суворова, а также Петра Великого.

И наконец он, Малый тронный. Глаза сами жмурятся от золота, а ноги сами ведут меня...

— С ума сошел? — Мама перехватывает меня у плюшевых канатов, которыми прегражден доступ. Там, в запретной зоне, под звездным куполом сияет в высоте своими раздвоенными полушариями корона императоров. Двуглавый орел под ней венчает раму, в которой Петр Первый с женой Екатериной. А под портретом крепко стоит трон. Зияет пустотой. Табуреточка под ним на львиных лапах. Ноги ставить.

— Малый тронный зал, в честь Петра Первого названный Петровским, декорирован архитектором Монферраном... Мальчик, прими руки с каната! Это ваш ребенок, гражданка? Так и следите за ним, чтобы волю рукам не давал!

Мама сердито тащит меня из зала в зал.

— После отречения царя,— говорит тетя в кителе,— здесь, в Малахитовом зале, заседало Временное правительство. Сюда в ночь на 26 октября по старому стилю ворвались взявшие штурмом дворец рабочие, солдаты и матросы под руководством Ленина и Сталина. «Которые тут временные? Слазь! Кончилось ваше время!» — кто не знает этих бессмертных строк Маяковского, лучшего, талантливейшего поэта нашей эпохи. Арестом Временного правительства вот в этом, товарищи, зале и началась новая эра в истории человечества, эра, в которой нам с вами выпало счастье жить!..— Пауза.— На этом наша экскурсия по залам героического прошлого заканчивается. Вопросы по залу? Тогда, товарищи, прошу организованно...

Бравый офицер выступает вперед.

— У меня уточнение, товарищ экскурсовод.

— Слушаю вас, товарищ капитан.

— Малахит с Урала будет?

— С Урала, да. Колонны, пилястры и камины, товарищи, покрыты нашим великолепным уральским малахитом. Обратите внимание на его цвет. Он теплый и холодный — одновременно. Этот сорт называется «шелковистым».

— Паркет из чего сработан? — Группа оборачивается и осматривает насупленного детину, задавшего вопрос. Под этими взглядами детина раскаляется докрасна, и тогда все опускают глаза на паркет, о котором спрошено.

Узорчатый, он широкими черными стрелами разбегается из-под ног во все стороны.

— В оформлении паркета использованы ценные породы дерева. Такие, как, к примеру, орех, пальма, амарант, акажу и этот, как его... Эбен!

Взрыв хохота. Его тут же зажимают, но толпа уже расступилась вокруг тех, кто его произвел. В самом центре полового узора корчатся в конвульсиях две гражданки. Они держат друг дружку под ручку, зажимая себе рты, но никак не могут перестать. Поверх обветренных рук глаза их выпученные слезятся мольбой о пощаде, но тетя в кителе сводит хмуро накрашенные брови.

— Не вижу в этом ничего смешного. Эбен, товарищи, это черное дерево из семейства субтропических, вот и все. Прошу прекратить! Вы не в комнате смеха, гражданки, а в Государственном Эрмитаже! Идемте, товарищи.

Мама тащит меня за товарищем капитаном, которому тетя в кителе на ходу объясняет, что обычно подобные припадки с повышенно-возбудимыми посетительницами случаются в античных залах — перед мужскими статуями. Но чтобы в Малахитовом? Нет. Это в ее практике первый раз. Совсем озверело бабье. Она вздыхает:

— Война!..

Офицер с пониманием кивает.

Залы мелькают в обратном порядке. Вот снова Малый тронный. Я оглядываюсь.

— Стой!

Но, вырвав руку, я уже бегу. Еще мгновение — и врежусь в бронзовый стояк, сквозь головку которого пропущен заградительный канат. Оскальзываясь, я беру правее и спасаюсь. Канат взлохмачивает мне макушку, и за спиной все, кроме мамы, разом стихают.

— Сынуленька, вернись!

Но я уже под куполом. На табуретку, а потом, за лапу трона ухватясь, коленом — на сиденье! Под мамин «ах!» — там, где-то за спиной,— усаживаюсь вольно, раскинув руки, под сине-золотыми звездами. На мне одни носки. Валенки с галошами по пути я потерял, и пусть. Кружится голова, плывет, сплывается там, за канатами, пятно: народ. И он — безмолвствует.

И только тетя в кителе:

— Неслыханно! — кричит.— Нет оправданья хулиганству! Милицию сюда! Пусть мать ответит!..

— Сынок!..

Офицер с золотыми погонами решительно ныряет под канат. Сияющие сапоги его изуродованы тапками. Бесшумно он подходит к ступеням. Он усат. Поперек лба морщина.

— Не дури. Посидел и будет. Ну?

Я забиваюсь в угол. Врешь, не возьмешь... Щекой — в шитье золотое, в нашитого на спинке трона орла двуглавого.

— Тебе, брат, баловство, а мать расплачивайся? — Утерев лоб, офицер начинает подниматься ко мне по бархатным ступеням.— Не дело, брат. Ты кем это себя вообразил?

Р-раз! и отрывает меня от трона.

— Пусти, дурак! — кричу я, бьясь, как птица под звездным куполом Империи, и все — орел, корона, купол — оплывает вдруг в слезах горячих.— Убили!

— Не убили, а низложили,— говорит офицер, пригибаясь, чтобы поднять мои валенки.

— Нет, убили, убили! Батюшку-царя! С наследником Алешей! Мальчика больного! У него кровь голубая, а вы? — Я захлебываюсь гневными соплями.— А вы из «маузера» в упор! Звери вы! Пусти! Фашис...

Мне затыкают рот.

Все разбегаются перед офицером, уносящим меня из Зимнего дворца. Я рвусь назад, над погоном колючим,— залы убегают один за другим. Взмахивая руками, как на льду, несется мама, а за ней уже отстала тетя в кителе. И еще выдвигаются залы, и вот она уже вдали, как в перевернутом бинокле.

Мои руки скользят по круглой стене Главной лестницы.

Уносятся статуи галереи Растрелли, а потом меня утаскивают вниз, в подвалы мраморные раздевалок...

На морозе я прихожу в себя. Под сапогами несущего меня офицера визжит снег, и в свете удаляющегося дворца радужно сияют оледенелые деревья. Ухватываясь за прочно пришитый к плечу погон с четырьмя звездочками — не выпасть бы из рук,— я притираюсь щекой к шершавой шинельной груди.

Рядом с нами всхлипывает мама. То и дело ее рука с платочком выныривает из черной муфты.

— Вы нас куда сейчас, товарищ капитан? — с тревогой спрашивает мама.

— Куда прикажете, мадам?

— Тогда уж мадемуазель,— слышу я сырую улыбку.— Значит, арестовывать нас с ним не будете?

Капитан останавливается как вкопанный.

— Вы за кого меня принимаете? Я — армейский офицер!

Мы идем дальше, и он начинает смеяться.

— Вы о чем?

— Да так... Ребенок был резов, но мил — так, кажется, у Пушкина? Такое, кстати, я уже слыхивал. В сорок пятом, в Югославии. От эмигранта одного. Между прочим, князя. Но чтоб младенец формулировал, как недобитый монархист!..

Капитан хохочет.

— А все дедулины уроки! — Мама заглядывает мне в лицо, я притворяюсь спящим.— Больше ты у меня в Большую Комнату не пойдешь!.. Дед у него.

— Ясно,— подбрасывает меня капитан.

Мы стоим у стен Адмиралтейства. Снег замел горки пушечных ядер, забил жерла мортир за чугунными цепями. Мама выстукивает каблучками меховых своих «румынок». Троллейбуса все нет. Тогда капитан вдруг закладывает два пальца в рот, отчаянно свистит, и вот уже к нам подъезжает роскошный черный ЗИМ-таксомотор.

— Вы что? — пугается мама.— Нет-нет. Мы на троллейбусе.

И она садится к нам в ЗИМ.

— Куда? — спрашивает шофер.

— Сейчас нам скажут,— говорит капитан.

Мама молчит, тогда говорю я:

— К Пяти Углам.

— Давай, друг!

И мы едем. Огибаем сквер Адмиралтейства и выезжаем на залитый огнями Невский.

— А знаете что? Давайте-ка распишемся.

Мама смеется.

— Как? Так вот сразу и?..

— Ну, а чего? Ведь все же ясно.

— Кому? Я ведь о вас не знаю ничего.

— Чего там знать? Родился на брегах, но не Невы, а Енисея. Поехал в Москву на инженера учиться — мобилизовали со второго курса Бауманки. А там, значит, война. От Белокаменной дошел до Вены — ни царапинки. Нет, вру: таки ободрали мне шкуру, но так, пустяки. Хотел демобилизоваться — отказали. После войны изъездил пол-Европы. Потом направили к вам, в Северную Пальмиру. В Бронетанковую академию. Кончу — опять куда-нибудь зарядят в диапазоне от Берлина до Пекина... Что еще? Ах, да! Фамилия Гусаров. Звать Леонид, а лучше Леня. А вас?

— Любовь,— смутилась мама.

— Ну, все! — вскричал Гусаров.— Судьба!

— Но у меня ведь сын вот.

— Усыновляем!

— И дочь еще... от первого брака.

— Удочеряем!

— Но товарищ капитан...

— Леня то есть.

— Да, Леня... Вы же обо мне ничего не знаете? У меня, быть может, прошлое?

— Оно у всех сейчас. Итак, Любаша?

— Нет-нет! Я все должна спокойно обдумать.

— Все! Умолкаю до Пяти Углов.

— По-гвардейски, товарищ капитан! — сказал шофер.— Случаем, под Сталинградом не были?

— Друг! — оборвал капитан.— Человек думает! — И он добавил: — Был.

Мама начала думать мимо черно-белых коней на Аничковом мосту, но когда ЗИМ затормозил у черного провала нашей подворотни, подняла голову и сказала, что не знает, что и сказать.

— Тогда я скажу,— решил капитан.— Свадьбу играем в «Астории».

— В «Астории» ни за что!

— Это почему?

— Сергей Есенин там повесился. Поэт.

— Поэт? Ладно... Как насчет «Европейской»?

Он бросил шоферу сторублевку «без сдачи», распахнул дверцу, выпустил маму и вынес меня.

— Вас ждать, товарищ капитан? — перегнулся шофер.

— Сейчас нам скажут.

И мы с капитаном сверху поглядели на маму, которая засмеялась и махнула рукой:

— Езжайте уж!

И ЗИМ уехал. В метель. А капитан остался...

ГАРНИЗОН У ЗАПАДНЫХ ГРАНИЦ

Папа принес из штаба армии две поллитры и черную весть — в Будапеште сбросили нашего Вождя. Гранитный памятник ему, сработанный на века.

— Где там у тебя мой *тревожный?*

Мама вышла и вернулась, бросив ему к забрызганным грязью сапогам еще с войны трофейный баул с обтертыми на учениях боками свиной кожи.

— Когда ты едешь?

— Приказано быть завтра в шесть ноль-ноль.— Папа потрепал Александра по макушке.— Ничего, сынок! Мы наведем порядок в этом мире.

— А это что?

— Это? — Папа приподнял к глазам сетку с бутылками.— Это мы с Загуляевым решили посидеть. Он тоже уходит завтра. Перед стартом, понимаешь? В порядке укрепления морального потенциала. Ты, надеюсь, ничего против не имеешь?

Командир эскадрильи истребителей Загуляев имел двух девочек. Старшая всегда казалась Александру рассудительной, но сейчас, на кухне, она явно делала не дело: взяла бутылку «Московской», подковыряла ножом станиолевую крышечку, сняла осторожно и стала выбулькивать водку прямо в раковину.

Александр схватил ее за руку.

— Ты что, рехнулась?

— Отстань! — оттолкнула его локоть.

— Им же не хватит!

Но девочка опорожнила бутылку, после чего наполнила ее водопроводной водой, надела крышечку и, взяв нож, аккуратно обжала кругом и погрозила Александру кулаком:

— Наябедничаешь — кровью умоешься.

— Очень мне надо на тебя, дура, ябедничать,— обиделся Александр и вернулся в комнату к взрослым.

Там как раз офицеры хлопнули по первому стакану, и командир эскадрильи истребителей, вырвав локоть из цепких пальцев своей жены, тут же, не закусывая, стал разливать по второму. А папа сидел зажмурившись, прижав к усам кулак и тянул в себя носом, как бы своим же кулаком занюхивая. Открыл глаза и объявил:

— Все, детонатор сработал. Доигрались! Теперь остается только ждать взрыва в Польше. Что ж, дорогой наш Никита Сергеевич... За что боролись, на то и напоролись!

И грохнул кулаком по столу так, что тарелки подпрыгнули.

Загуляев — они сидели за столом плечо в плечо — крепко обнял папу.

— Ты это, Ленька, брось!

— Как, то есть брось? — освободился папа.

— Брось, говорю, кручиниться. Давай вот.

Они дали.

Прожевав селедку с луком и хлеб, Загуляев сказал:

— Я, ты знаешь, Леонид, во многом не разделяю... Нет, ты постой! Пахан тоже дров немало наломал, так что дружба дружбой, но Никита где-то прав... Да погоди ты! Я ж с тобой согласен! По большому счету.

— Ты согласен?

— Еще бы! Не имели венгры права Пахана мордой в грязь.

— Не имели,— кивнул папа.

— *Наш* он Пахан — несмотря на все дела. Мы с его именем на устах умирали. Так?

— Было дело.

— И мадьярам, мать их-х-х... вломим мы хотя бы за память о том, что это его имя хрипели мы, умирая, а, Леонид?

— Хорошо говоришь.— Папа взял бутылку.

— <...>, терпеть, что ли, будем?

— Не забывайся, Загуляев,— подала голос его жена.— Дети в пределах слышимости.

А мама — заметил Александр — под столом нашла кончиком туфли подошву папиного сапога, который, как обычно, намека не понял и удивленно посмотрел на маму:

— Ты что?

Все на маму посмотрели, и она вспыхнула, и, опустив глаза в тарелку, сказала сильно и зло:

— Н-ничего!

— Вломить мы им, конечно, вломим,— заговорил папа, игнорируя сложные чувства визави,— но,— и брови свел,— сейчас не сорок пятый. Это тогда мы их могли нейтрализовать по Ла-Манш, а сейчас, брат, исторический момент упущен. А ну как НАТО ввяжется? А там и Эйзенхауэр? Тогда что?

— Известно что,— ответил Загуляев...— Война, брат.

— Вот то-то и оно.

И папа козырьком ладонь ко лбу приставил — закручинился.

— Ты это, Ленька, брось,— приобнял его Загуляев.— *Броня крепка, и танки наши быстры...* или не так?

— Быстрее, чем тогда.

— Ну, а со своей стороны могу тебя заверить, что... как там? *В каждом пропеллере дышит...* Вернее, в сопле реактивном. По единой? *За спокойствие наших границ!*

Они выпили, и папа протянул руку:

— Подойди-ка.

— Облик не теряй, Леонид,— сказала ему мама.

Папа нетерпеливо пошевелил пальцами.

— Подойди, говорю.

Так наглядно на памяти Александра папа еще не терял свой облик, поэтому приближался он с опаской. Но папа обнял его, поцеловал в лоб, приятно больно уколов усами, а потом отстранил и, плечи сжимая, предъявил Александра командиру эскадрильи:

— Видишь? Во второй класс уже пошел. Не себя... что *мы?* Нас этому учили — умирать. И если живы мы остались после мясорубки той, кой-чему, значит, в этом деле научились. Но их вот, незапятнанных,— и он тряхнул Александра так, что зубы лязгнули,— их — жалко. Иди, сынок, играй. И ничего не бойся, понял? Пока мы живы — я и дядя Слава — ты можешь ничего не бояться.

— Отпусти ребенка, Леонид,— сказала мама.

Папа прижал его к себе, царапая орденскими планками, и оттолкнул, отворачиваясь, утирая кулаком слезу.

— Кто ж спорит? — согласился Загуляев.— Мне, брат, еще больше жалко: он у тебя один, и то усыновленный, а у меня их кровных две. Если не вернусь, с чем их оставлю в этой жизни?.. О! — хлопнул он себя по лбу.— Я ж газету с таблицей купил!

И рванул из-за стола так, что уронил стул.

Жена его вздохнула.

— Совсем поехал мой летун. Знаете, что он сделал? Когда, значит, еще только первые слухи из Венгрии пошли, он снял все деньги со сберкнижки и — на все, ни рубля не оставил! — накупил лотерейных билетов. «Ва-банк,— говорит,— иду».

Поясняя состояние командира эскадрильи истребителей, она приставила указательный палец к виску и покрутила с насмешливым видом.

— Это ты по-нашему!..— Папа сделал попытку броситься навстречу Загуляеву, который внес свою кожаную куртку.— Люблю!

— Погоди, друг... Что там у нас в стаканах, нолито ли? Э, да мы, похоже, все добили.

— И слава Богу,— сказала его жена.

— *Нет,*— сказал Загуляев,— нет, не Богу, а Случаю молись. А ты, Леня, в отчаяние не впадай: в моем дому последняя, она всегда была *пред*последней... Ангелята? Вы куда попрятались? Тащите папке бутылку! Сейчас вам папка приданое будет выигрывать. Обоим по «Победе», как? Устраивает?

Перемигиваясь в предвкушении шутки, которая должна была насмешить офицеров до колик, ангелята принесли бутылку, на которой красовался черно-зеленый ярлык: «Московская особая». А папа ангелят тем временем раздвинул тарелки, разложил центральную газету с выигрышной таблицей, после чего отвалился вместе со стулом, выдвинул ящик комода и стал доставать одну за другой запечатанные пачки билетов всесоюзной денежно-вещевой лотереи осени пятьдесят шестого года. Накидав перед собою пачек, он затолкнул ящик и вернулся, крепко стукнувшись об пол подошвами и передними ножками стула. Обтер ладонями обритую наголо голову, сияющую в свете лампочки, обвел всех отчаянным взглядом — и распечатал бутылку. Сначала папе набулькал. Себе... до краев.

Они подняли стаканы.

— Фарту тебе, Слава! — пожелал папа.

— Не мне,— поправил Загуляев,— девчонкам моим. Старшей «Победу», младшенькой «Москвич». С таким приданым кто от них откажется?

— А их и без приданого возьмут,— сказала его жена.— Как, Александр? Давай, любую на выбор!

Девочки, прыснув, убежали, Александр стал медленно наливаться кровью стыда, а Загуляев посмотрел на папу.

— Что, друг Леня, может, и вправду, придется нам породниться? Ну, пошел!

Они выпили залпом, и обращенные вовнутрь глаза летчика сделались недоверчивыми.

— Выдохлась, что ли? Крепости не ощутил.

— Мудрено ли? — сказала жена.— После четвертой поллитры.

— Крепость нормальная,— сказал папа.— Я объясню тебе, в чем дело...

— Ну?

— *Азарт.*

— Азарт, говоришь? Что ж, отрицать не стану. Такой я! — и он с треском распечатал новую пачку.

Поводив указательным пальцем по цифири столбиков таблицы, поднял глаза и весело сказал:

— Промашка вышла! Ничего, «Победа» в следующей.

— Чья? — спросила младшая.

— Не твоя же,— ответила старшая.

— Ах, не моя... *Сказать?*

— Ладно, твоя. Подавись.

— Папа, ты слышал? Сама сказала.

— Ладно вам, ангелята.— Он отбросил вторую пачку, она разлетелась.— Шкуру неубитого медведя делить... Ну-ка, а в этой? — и разорвал полоску на третьей.

«Победы» не было и в ней.

С окоченевшей на лице маской одобрения гусарству друга папа Александра курил папиросу, а мама с тревогой поглядывала на жену летчика, с которой пачка за пачкой сползало безразличие. А летчик садил «Беломор» так яростно, словно поддерживал вокруг себя дымовую завесу.

— Ведь все снял,— сказала его жена.— Все, что с самой Кореи сбережено было. Рубль только один оставил, чтобы счет не закрывать. И что теперь мне делать? Завтра он уйдет, а у меня до конца месяца дотянуть будет не на что.

— Я тебе займу.— Мама обняла ее.— Будем теперь держаться друг дружки.

— Твой-то когда уходит?

Александр внутренне одобрил маму, даже подруге не разгласившей военную тайну:

— А я знаю? Баул его тревожный у порога, а когда ее, тревогу, объявят — мы разве знаем? Мы — люди маленькие. Пепел стряхни, Леонид,— возвысила она голос в сторону папы, но тот ее не услышал, ибо не только утратил облик, но и оглох. Мама вынула из его пальцев забыто дымящуюся папиросу, которую задавила в его же тарелке, полной окурков. Осязание папа тоже потерял. Но самое постыдное было, что он даже не сознавал всю неуместность омертвевшей на его лице улыбки одобрения летчику, разорившему семью. Рассыпаясь веером, пачки уже нарастили целую гору, но никакой «Победы», которая должна была возникнуть от совпадения номеров на пачке и в газете, еще не возникло. Пальцы летчика медленно затушили окурок. Продув в дыму тоннель, он проявился и сказал:

— Последняя.

Повел пальцем, после чего смял газету, разорвал и отбросил.

Девочки заплакали.

Загуляев завел руку за спинку стула, расстегнул свисавшую кобуру, сдавленно сказал:

— Простите, ангелята! — и извлек «Макарова».

— Не ломай комедию,— сказала его жена.

— Это не комедия, Зина,— возразил он, сдвигая большим пальцем предохранитель.— Трагедия это.

Папа вздрогнул и очнулся. А очнувшись, осудил:

— Не при детях, Святослав!

Долго и неподвижно смотрел на него летчик, и потом его палец щелчком вернул предохранитель в безопасное положение. Он застегнул, а потом вдруг запрокинул шар своей головы и — р-раз! — ударился лбом о край стола, вскричал, вскочил, сощелкнул шпингалеты, распахнул окно и стал швырять на дождь, во мглу, свои билеты. Пригоршнями! Он выбросил их все, а вслед им и комок газеты, схватил бутылку и, работая кадыком, опустошил до дна. Размахнулся — и туда же, в окно! От выпитой воды водопроводной его оттащило от подокон-

ника, он схватился за скатерть — и в грохоте и звоне грохнулся об пол так, что лампочка мигнула.

Все вскочили, кроме папы, который все так же осуждающе передергивал головой.

Загуляев приподнялся на локте.

— А если не при детях? Имею право?

— Имеет право всякий,— ответил папа.— Но не мы.

— Не мы?

— Присягу помнишь? До последней капли крови *она* не нам принадлежит.

— Кому? — потребовал Загуляев.

С какой-то обреченной гордостью, вкладывая в ответ всю силу, папа повторил:

— Не нам. Осмыслил, Слава?

Смысл возник в глазах командира эскадрильи истребителей.

— Ну, и <...> с ней тогда.

Он отпал, пошумел затылком в осколках, а потом смысл потух, и он закрыл глаза от света лампочки.

— Теперь ты поняла, почему я сервиз свой китайский не выставила? — Жена летчика поднялась.— Что ж, будем укладывать наших защитничков...

И стала стаскивать с распростертого тела хромовые сапоги.

Папа за убытием собеседника показал пальцем на Александра.

— Взять, к примеру, камикадзе...

— Пойдем! — поднялась мама.— Пора и честь знать.

— Пойдем,— согласился папа.

Но не смог встать со стула.

— Пусть посидит,— сказала жена Загуляева.— Давай сначала этого.

Вместе с мамой они взялись за тело.

— Чугунный...

— Ничего,— ответила мама.— Я их в сорок первом знаешь сколько перетаскала? А раненые еще хуже. Его тащишь, а он ведь так и норовит...— Они взвалили тело на раскладушку.— Агонизирует, а туда же!

— Мужик, он и есть мужик,— согласилась жена летчика.— Ну, теперь твоего.

Под дождем они тащили папу через двор. Иногда папа забывал переставлять ноги, и они, в сапогах, рыли грязь.

— А главное,— повторял папа,— ну, все сознаю! Война так война... Не впервой! Верно я говорю?

Затемно он разбудил Александра. К нему вернулась способность ходить. И он ушел — поцеловав. Наводить порядок в Венгрии. Когда Александр в восьмом часу с ранцем за плечами вышел во двор, земля была вся облеплена лотерейными билетами Загуляева, затоптанными в грязь и мокнущими в лужах.

По длинной Скидельской улице, лязгая гусеницами по булыжнику, урча и воняя, на Запад шли танки. Не видно было, откуда они начинались и где кончались — сплошной рычащий поток. Колонна шла медленно, так что Александр обгонял один танк за другим, и так, пока не перешел дрожащий мост, где свернул налево, оставив рык брони за спиной, и постепенно мир снова озвучился, и дождь стал слышен — на кленовых листьях вдоль дороги, на старых каменных плитах и на канализационных крышках, на которых были вычеканены латинские буквы старого польского названия этого городка у наших новых западных границ.

(Окончание)

Бессмысленно сейчас говорить о какой-либо компенсации тех невероятных человеческих и нравственных потерь, понесенных народом за годы партийной диктатуры. Но о какой-то материальной компенсации речь должна идти. Все нажитое партией имущество, все средства должны быть возвращены народу. Она должна хоть в малой степени ответить за свою «единственно верную, научно обоснованную» и рьяно проводимую стратегию и тактику. Удивительно, что это до сих пор не пришло в голову ее руководству, так много говорящему о гуманном социализме и человеколюбии. Это и долг партии, и гарантия, что в обществе КПСС будет действительно поставлена в равное положение с другими партиями, действительно разделит с народом переживаемые трудности, а не станет, пользуясь своими неправедно нажитыми миллиардами, опять что-то диктовать и властвовать.

В. Ратинский, 47 лет, врач, Москва

Правящая каста коммунистических феодалов хвастливо кричит на весь мир о том, что они создали нового человека. И к сожалению, это действительно так. 70 лет жесточайшего геноцида против собственного народа и 70 лет дикого коммунистического оболванивания создали новую породу людей — гомо советикус, весьма сильно отличающуюся от гомо сапиенс.

Вся система коммунистического воспитания направлена на разрушение сознания людей, уничтожение морали, нравственности, культуры, духовных ценностей, создание биологических роботов, послушных солдат промышленных армий, строящих «светлое будущее» для коммунистических диктаторов.

Но сейчас гомо советикус начинает просыпаться от тяжелого марксистско-ленинского кошмарного сна наяву и имеет шансы возродиться и постепенно снова стать гомо сапиенс.

В. А. Иванов, секретарь Российского народного фронта

Понимаю все упреки, высказываемые партии, разделяю, соглашаюсь. Что тут возразишь? И все-таки в нынешней очень нестабильной ситуации партия — сила, которая может хоть как-то остановить распад общества, раскол, консолидировать народ.

...Когда-нибудь в будущем, когда стабилизируется политическая обстановка в стране, оживет экономика, утихнут межнациональные страсти, когда Советы смогут выполнить роль связующего, цементирующего начала,— может быть, тогда коммунисты станут «зелеными». Но сейчас?

Н. И. Савин, кандидат технических наук

Подборку составил А. ЛУЦКИЙ

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 5 «ГОРИЗОНТА»:

По горизонтали: **4.** Барабан. **7.** «Псковитянка». **10.** Центр. **12.** Митра. **14.** Рефракция. **18.** Цесарка. **19.** Инталия. **20.** Рустика. **21.** Запруда. **22.** «Торнадо». **23.** Диктатура. **26.** Нория. **27.** Акита. **30.** Лаборатория. **31.** Пародия.

По вертикали: **1.** Фасон. **2.** Радиола. **3.** Наряд. **5.** Осетр. **6.** Акция. **8.** Реставратор. **9.** Урожайность. **11.** Репарация. **12.** Миниатюра. **13.** Сметана. **15.** Реостат. **16.** Комитет. **17.** Куинджи. **23.** Динар. **24.** Аксаков. **25.** Актив. **28.** Гопак. **29.** Болид.